

18+ СКАЗАНИЯ
ПЕРИ ИМАН

Галина
Ширяева

Галина Ширяева
Сказания пери Иман

«Издательские решения»

Ширяева Г.

Сказания пери Иман / Г. Ширяева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-642795-2

Сборник небольших рассказов различных жанров. В основном здесь представлены фантастические произведения, а также детективы и рассказы реальной прозы. Рассказы веселые и грустные, печальные и трагичные. Но, все они очень интересные, приятные и легкие для чтения. В моих рассказах происходят удивительные события. Жрица из древнего храма случайно выпивает напиток бессмертия, потом много веков пытается изобрести эликсир анти бессмертия. Бродячая под Новый год находит любящую семью. И многое другое.

ISBN 978-5-00-642795-2

© Ширяева Г.
© Издательские решения

Содержание

Сказания пери Иман	6
Корректор	12
Зеленый камень богини	16
Тайна Белого Валуна	22
Зеркало для Дильшода	27
Автобус	29
Портрет дамы в голубом	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сказания пери Иман

Галина Ширяева

© Галина Ширяева, 2024

ISBN 978-5-0064-2795-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказания пери Иман

Едва первые лучи солнца коснулись куполов священной Бухары, как послышался призыв к бамдаду – первому намазу и благословенный город стал излучать свет, восходящий к ясному небу.

Специально выбрав для прогулки утреннее время, пока июльская жара не вступила в свои права, я медленно прошла по базару, направляясь к сакральному Минарету Калян, который, царствуя над городом, указывал путь к «Подножию Великого» – кафедральной мечети Калян.

Базар просыпался рано. Уже торговцы раскладывали на прилавках товар. То здесь, то там, повинувшись зову азана, расстилали молитвенный коврик кузнец и чайханщик, продавец лепешек и гончар. Только сейчас я поймала себя на мысли, что с моего последнего посещения прошло очень много времени, и это трудно было принять. Люди изменились, стали жить и одеваться иначе, а дух базара остался прежним: все та же пестрота, шум, и яркость красок, объединяющая продавцов и посетителей в единое сообщество.

Не дойдя до минарета сотню шагов, я остановилась. Он почти не изменился. Все также строг и величав. Вместе с тем, четок, ясен и филигранно тонко проработан во всех деталях. Его пропорции выдержаны с большим вкусом По одной из легенд, мастер – строитель Бако,

заложивший фундамент минарета из алебастра и молока верблюдицы, исчез, дабы не вызвать гнев эмира за задержку работ, вернулся только через два года, когда фундамент прочно застыл, и продолжил строительство. Это в назидание потомкам, которые даже и не мечтают прославиться в веках или хотя бы оставить о себе добрую память. Их единственное желание – обогатиться, быстро и постыдно, строя некачественные и опасные для людей здания.

Много раз я приходила полюбоваться этим величественным сооружением, восхищаясь застывшей музыкой его узорчатой кладки. Однако, когда вспоминаю все сто пять ступеней, ведущей к верхней площадке, когда каждая ступень приближает к смерти, мне становится не по себе.

С трудом оторвавшись от созерцания Минарета я напомнила себе, о неотложном деле. Несколько дней блуждания по Бухаре, не принесли ожидаемого результата. Солнце жгло немилосердно, когда уже почти отчаявшись, я медленно брела вдоль небольших лавочек и магазинчиков. Поэтому, когда браслет на левой руке, который вообще-то является прибором тихонько зажужжал, я в растерянности остановилась. Не веря удаче, огляделась вокруг, определяя место сигнала. К счастью, поблизости, кроме старой сувенирной лавочки, ничего не было. В таких убогих лавчонках часто продают поделки местных мастеров, но ведь сигнал не мог меня обмануть! Хозяин, не замедлив появиться, стал расхваливать товар, который обычно предлагают туристам. Видя, что меня ничего не заинтересовало, и не желая упустить выгодного покупателя, он предложил выпить кофе. Я очень люблю этот замечательный напиток и сам ритуал его приготовления. Сев в небольшое кресло в прохладном помещении, я с удовольствием наблюдала, как хозяин варит кофе в турке на углях.

– А нет ли у вас старинных поясов? – решила я приоткрыть карты.

Лавочник, оторвавшись от своего занятия, с воодушевлением выложил передо мной целый ворох самых разнообразных поясов, но я сразу увидела его, и на душе стало легче. Неприметный тонкий черный пояс, с несколькими небольшими камешками. Хозяин, очевидно, был разочарован моим выбором. С его точки зрения, этот пояс был слишком прост и непригляден и стоил недорого.

Однако, как истинно восточный торговец, он с детства был приучен угождать покупателям. Поставив передо мной на столик чашечку кофе и стакан воды, он стал рассказывать историю пояса, явно желая поднять его цену.

– А знаете ли вы, уважаемая госпожа, что по легенде этот пояс принадлежал жене шаха Асланхана прекрасной Агаханум? – и, не дожидаясь ответа, начал повествование:

– В стародавние времена правил... – голос лавочника звучал монотонно и успокаивающе.

Я не слушала его, потому что затопившие меня воспоминания были ярче, красочней и трагичнее легенды.

Комната была поразительно красива: толстые красочные ковры на полу, блестящие медные лампы, полированное дерево мебели, разноцветный шелк и бархат портьер. Не менее, красива оказалась и женщина, сидящая на тахте среди многочисленных подушек. Жена шаха, Агаханум, была одета в золотистые одежды. Темные волосы распущены, за исключением одной-единственной тонкой косички с жемчужной заколкой. Тонкую шею украшало великолепное бриллиантовое ожерелье.

Постучавшись, в комнату вошла любимая служанка шахини Иман и склонилась в ожидании приказаний.

– Иман, а не поехать ли нам в город? – немного оживившись, предложила госпожа.

Она была добра, умна, благородна, но очень одинока. Большую часть дня женщина проводила за чтением книг, что было нетипично для обитательниц гарема. Несмотря на окружающую ее роскошь, Агаханум была несчастна. Причина грусти была ясна всем окружающим: шах Асланхан не любил молодую госпожу. Он взял ее в жены лишь по политическим соображениям, чтобы привлечь в союзники ее брата, могущественного хана Саида Ахмета. Не смея

обижать женщину из влиятельного рода, он был с ней холодно-вежлив, предпочитая проводить время с наложницами и в пирах и празднествах.

Накинув покрывала, женщины вышли из ворот дворца. Там уже был наготове нарядный паланкин. Сопровождаемая охраной и рабами, Агаханум решила поехать в недавно построенную ею больницу для бедных. Жители благословенной Бухары любили свою госпожу за щедрость и доброту и встречали ее радостными криками. Благодаря ее милости в городе строились мечети, медресе, столовые, больницы.

Тем временем в оставленном шахиней дворце происходили некоторые события. Евнух гарема, Хасан-ага отдыхал. Поэтому был весьма недоволен, когда его послеобеденный сон нарушило появление раба. Он уже было хотел выгнать беднягу, но, тот пав ниц, протянул письмо.

– Благословенной госпоже Агаханум от великого хана Саида Ахмета.

Хасан-ага внимательно разглядывал запечатанный свиток. В душе его шла борьба. Он так и сяк прикидывал, как ему следует поступить. С одной стороны, по долгу службы он обязан был передать госпоже письмо от брата. С другой – личный интерес толкал передать это послание фаворитке Асланхана – госпоже Айгуль, которая ненавидела жену шаха и щедро одаривала евнуха за сведения о малейшем шаге соперницы. Открыв крышку сундука, евнух пересчитал спрятанные в самом дальнем уголке сокровища – небольшие мешочки с монетами- и вздохнул.

– Да, здесь явно не хватает еще одного, – мечтательно прошептал ага.

Спрятав письмо за парчовый халат и воровато озираясь, Хасан-ага медленно пошел в покои фаворитки. Вернувшись к себе, евнух добавил к своим сокровищам еще один вожаденный мешочек. В комнате сидел человек в богатых одеждах, но на лице его застыло выражение крайней апатии и скуки. К тому же мешки под глазами и нездоровый цвет лица указывали на бессонные ночи, проводимые в пирах, и излишества. Этим человеком был правитель Бухары Асланхан. У ног его сидела женщина редкой красоты в лиловых шелковых шароварах и такого же цвета лифе, украшенном пурпурным бархатом. Наряд дополняли красиво сработанный пояс с золотом и аметистами, изящные парчовые туфельки и пурпурное шелковое покрывало. Иссиня-черные волосы были зачесаны назад, открывая и подчеркивая тонкие черты лица восточной красавицы. Одежда была великолепна, но застывшая на лице маска неумеренной гордости и надменного пренебрежения, портила ее красивое лицо и производила отталкивающее впечатление. Этой женщиной была фаворитка шаха – госпожа Айгуль.

– Великий шах, – обратилась она к повелителю, что пишет благословенный хан Саид Ахмет?

– Не знаю, давно не получал от него известий, – зевнул шах.

– Как? – восточная пери сделала удивленные глаза, – я вчера сама видела, как госпоже Агаханум вручили письмо. Видя, что Асланхан никак не реагирует на это известие, она тихонько прошептала;

– А может, и не от хана Саида Ахмета?..

– Что ты болтаешь, несчастная! шах вскочил на ноги – сонливость как рукой сняло. Правитель был флегматичным и ленивым человеком, но очень вспыльчивым. Когда на него напали приступы гнева, то вся дворцовая челядь пряталась по углам. Красавица Айгуль хорошо знала об этих свойствах его характера и частенько манипулировала господином. Быстро выйдя из комнаты, шах отправился к покоям Агаханум.

После умывания розовой водой Иман точными движениями стала наносить на лицо госпожи крем из драгоценных масел и настоя фиалки.

– Иман, расскажи мне еще раз милую историю про мужчину, который, будучи уже в возрасте и счастливом браке, встретил загадочную девушку. Она стояла на невысоком холме в белоснежном платье, и ветер трепал ее волосы – золотистые, как цветок одуванчика.

Эта девушка утверждала, что прибыла из будущего. Мужчина, конечно, не поверил. Поэтому она отправилась в прошлое, на двадцать лет назад. К счастью, этот мужчина, который полюбил ее в зрелом возрасте, смог полюбить и в молодости, и они поженились. Позже, когда он нашел чудесное белое платье, будто сшитое из морской пены и снега, он все понял. Этой девушкой была его жена, с которой он счастливо прожил двадцать лет. Какая изумительная история! Бросить все, что тебе дорого, ради любимого, – слезы умиления текли по лицу Агаханум.

– Впрочем, я эту сказку хорошо помню, расскажи-ка мне лучше еще раз предание, где супергерой поворачивает Землю, чтобы спасти подругу.

Агаханум очень нравились странные истории, которые рассказывала ей служанка. И она вновь и вновь просила их повторить.

– Это так интересно! Неужели мужчина может подчинить себе столь могучих джинов? Получается, что все подвиги в мире совершаются ради любимых. Иман, откуда ты знаешь такие странные сказки? Может, ты пери из волшебной страны?

Необычные рассказы служанки действовали на госпожу завораживающе и позволяли отвлекаться от роскошной, но, в сущности, пустой и однообразной жизни. Агаханум тянулась ко всему необычному. Может быть, потому, что она была умна, очень образованна для своего времени и восприимчива ко всему новому.

– Я все это придумала, госпожа, – слегка улыбнувшись, ответила девушка.

Но в это время милая болтовня женщин была прервана. Со стуком открылась дверь, и в комнату вошел шах. Глаза его пылали гневом.

– Где письмо, – прорычал правитель?

– Какое письмо, повелитель? Растерявшаяся женщина не знала, что и сказать. Шах сделал нетерпеливое движение рукой, и внухи начали обыскивать комнату. Наконец один из них с поклоном подал свиток.

Чем больше шах читал, тем сильнее гневался:

«Луноликая госпожа моя, когда ты в следующий раз поедешь навестить несчастных бедняков в больнице, позволь хоть на секундочку увидеть твое прекрасное, воспеваемое в народе лицо»

– Что?! – взревел шах. – Нечестивая! Вот почему ты постоянно едешь в город. А я -то думал, ты занимаешься благотворительностью!

– Повелитель, – женщина упала на колени. – Это не мое письмо. Сжался. Я ничего плохого не сделала и ни в чем не виновата, – рыдала несчастная. Но рабы, подхватив ее под руки, уже тащили в подземелье. Никто не заметил, как прячущаяся за колонной Айгуль злорадно и торжествующе улыбалась.

До поздней ночи Иман ходила по комнате и думала, как спасти бедную женщину. В том, что ее ждет ужасная смерть, она не сомневалась. В те времена, даже недоказанная измена правителю каралась беспощадно – без суда и следствия.

Минарет Калян служил не только местом призыва к намазу и маяком для караванов, заблудившихся в пустыне. У него было ещё одно название – Башня Смерти, так как с него сбрасывали осужденных шахом людей.

Нужно было срочно что-то делать. Наконец, ей в голову пришла блестящая идея. Во дворце Агаханум любили за приветливость и доброе отношение к слугам, поэтому девушке легко удалось пробраться в темницу – охрана сделала вид, что ничего не видит.

Бедная женщина сидела на полу, закрыв лицо руками.

– Госпожа, – тихо позвала девушка. Пленница тут же востепенулась и подбежала к решетке.

– Иман, ты ведь знаешь, что это происки злобной Айгуль.

– Я знаю, госпожа, но не отчаивайтесь. Я обещаю, что вы не умрете, если исполните в точности то, что я скажу.

– Я верю тебе, Иман, как самой себе. Говори.

Иман что-то прошептала шахине на ухо, одновременно протягивая небольшой предмет. Пленница удивилась, но обещала все выполнить в точности.

На следующий день народ собрался у башни, чтобы проводить в мир иной любимую госпожу. Многие плакали. Агаханум, разодетая в несколько богатых платьев, гордо подошла к башне и стала забираться наверх. Иман мысленно поднималась вместе с ней – ступенька за ступенькой. Ровно сто пять, каждая из которых приближала к неминуемой гибели. Несмотря на то что девушка была уверена в счастливом исходе, ей все равно было страшно.

Очнувшись от дум, я услышала, как лавочник рассказывает окончание легенды.

– Шахиня была женщиной умной. Накануне казни она попросила шаха исполнить ее последнее желание. Он дал согласие. В день казни Агаханум надела все свои платья и юбки, и с гордо поднятой головой поднялась на башню.

Мудрая женщина спокойно встала на край минарета и прыгнула вниз. Народ замер, но в ту же секунду в толпе послышались крики: «О чудо!» Женщина не погибла, потому что её платья надулись парашютом и плавно спустили её вниз, на землю. Отдав должное смелости и смекалке жены, Асланхан отменил казнь.

Аккуратно сложив купленный пояс, я положила его в сумочку. День клонился к вечеру, жара спала, и вечерняя Бухара стала еще прекрасней. Миссия выполнена, можно было возвращаться домой. Меня охватило чувство гордости: я стояла у минарета, о котором народ сложил легенду.

Не могу назвать себя иностранкой, скорее, иновременкой. Мы не можем вмешиваться в историю древних веков, а лишь наблюдаем и слегка корректируем некоторые события.

Когда бедную шахиню ждала неминуемая кара за преступление, которого она не совершала, пришлось пойти на крайнюю меру – использовать для ее спасения антигравитационный прибор в виде пояса. Но если бы она осталась жива по непонятной людям причине, то те, кто так радовался ее спасению, вне сомнения, признали бы ее ведьмой и закидали камнями. Такие уж средневековые нравы. Вот и пришлось придумать многочисленные платья, как бы послужившие парашютом.

Теперь мне предстояло срочно покинуть это время, но я не могла уйти, не решив одного вопроса. Я «уговорила» главного евнуха Хасана-агу пойти к шаху и рассказать, что злополучное письмо было от брата госпожи. Большой мешок с золотыми монетами послужил неопровержимым доказательством. Люди во все времена жаждали золота и готовы были ради него потерять честь, совесть и достоинство, не понимая, что это просто жалкая горка металла. Не смог преодолеть свою алчность и евнух.

После моих «уговоров», ворча и стона, он все же отправился к повелителю, солгав однако господину, что якобы коварная Айгуль украла у него письмо. Шах, по обыкновению, разгневался и прогнал жадного евнуха из дворца. Впрочем, тот был уже так богат, что не слишком этому огорчился. Кстати, Айгуль шах тоже выгнал, но ее судьба мне неинтересна.

Я думаю, Агаханум скучала без меня. Впоследствии она написала от руки рассказы, назвав их «Сказания пери Иман». Они не понравились современникам, которые усомнились в нравственном здоровье шахини и посчитали, что к подобным выдумкам ее привел шок, полученный бедной женщиной после прыжка с Башни Смерти. Хорошо, что она догадалась не упомянуть пояс в своих рукописях.

То, что должно было случиться, случилось. Все пошло своим чередом, как и написано в истории. У Агаханум родилась девочка, которая впоследствии вышла замуж за важного представителя знати того времени. У них родилась дочь, известная в истории как Гаухаршад-бегим и вышедшая замуж за младшего сына Темура – Шахруха. Ее гениальные сыновья – Великий Улугбек и Байсонкур, основатель академии художеств в Герате, стали гордостью человечества. Наблюдательный Совет Времени не мог допустить, чтобы прервалась эта ниточка.

Как бы я ни любила эту добрую женщину, но права вмешиваться в историю ее жизни не имела. Считаю, что Агаханум являлась достойной прабабушкой Великого Улугбека. Однако я допустила одно важное упущение – не успела вовремя забрать пояс. Теперь этот промах исправлен. Человечество нескоро, но все же изобретет этот замечательный прибор. А сейчас еще рано. Всему свое время.

Корректор

Я не любила просыпаться, так как каждое утро, едва открыв глаза, испытывала отчаяние и нежелание возвращаться к действительности. Со временем я научилась подавлять в себе эти чувства, мысленно произнося слова, похожие на молитву, которым научил меня наш замечательный врач Иван Андреевич. После этого ко мне возвращались если не радость жизни, то относительное спокойствие и умиротворение. Я примирилась со своим положением, но сегодня, едва открыв глаза, почувствовала приближение приступа.

Чтобы скорее привлечь к себе внимание персонала, я начала отчаянно выть и метаться по кровати. В палату не спеша вошла пожилая санитарка тетя Валя. Откровенно зевая, она открыла дверцы шкафа и вытащила оттуда мольберт с натянутым на него листом бумаги, швырнула на прикроватную тумбочку карандаши, кисти и краски и, ни слова не говоря, пошла досыпать.

Какая-то неведомая сила потянула к мольберту. Меня трясло, пот заливал глаза, но я знала, что скоро это состояние пройдет. Взяв карандаш, я сосредоточилась и, постояв несколько минут у холста, короткими штрихами начала делать набросок.

Через некоторое время на бумаге появились очертания моста и маленькой женской фигурки у самых перил. Это мне не понравилось, поэтому я попыталась стереть ластиком женскую фигурку, чтобы изобразить ее подальше, но ничего не вышло: женщина продолжала стоять, свесившись через перила моста, и мне показалось даже, что я вижу ее глаза, тоскливо взглядывающиеся в зловещую темную воду.

Постепенно приходило понимание замысла, и, не теряя времени, я нарисовала фигуру мужчины в теплом зимнем пальто и меховой шапке. Подумав несколько минут, рядом с ним пририсовала машину, воображая ее большой, с блестящими синими боками. У набережной реки появилось несколько домов, а над ними, несмотря на тоскливый, серый зимний день, раскинулась радуга. Ее лучи проникали в мысли живущих там людей, делая их менее эгоистичными и заикленными на себе. Картина становилась менее безысходной, возникло чувство

слабой, едва ощутимой, надежды. Однако и этого было недостаточно. Закрыв лицо руками, я начала мерить палату, шагая из угла в угол.

Наконец на меня снизошло озарение. Изобразив на заднем плане полицейскую машину, я вздохнула с облегчением. Это было непросто, ведь мне нужна была не любая машина... Нет, я совсем запуталась! Точнее – нужны были особые люди в этой машине. Те, что еще не потеряли честь, совесть и желание служить людям.

Закончив карандашный набросок, я приступила к любимой части работы. Не спеша поработала красками, пока картина не ожила.

Несколько раз в палату заглядывал наш врач, Иван Андреевич. Персоналу он, как обычно, велел не беспокоить меня во время приступа, за что ему низкий поклон. Правда, он заставил меня сделать перерыв на ужин, после чего я прилегла отдохнуть, время от времени с удовлетворением поглядывая на свой шедевр.

Вечером в моей скорбной палате стали собираться медсестры и санитарки, пожаловал и сам Иван Андреевич. Мои рассказы были для них любопытней любого мексиканского сериала. Я их немного – для порядка – потюнула, пока самая нетерпеливая из санитарок, разглядывая картину, не спросила:

– А как зовут твою героиню?

– Ее зовут Тонико, – на мгновенье задумавшись, ответила я. Имя женщины проступило в воображении яркими светящимися буквами.

– Японка, что ли? – женщины захихикали, но негромко и деликатно, чтобы не рассердить сумасшедшую.

Проигнорировав глупое замечание, я начала свой простенький рассказ.

Сын Тамары, Алешка, рос умным и жизнерадостным ребенком. Но, с раннего детства у него появились серьезные проблемы со зрением. Адские муки для матери видеть, как слепнет твой ребенок, сердце кровью обливается, а от бессилия охватывает отчаяние. Чувствуешь себя маленькой и такой одинокой, что хочется поплакать под одеялом, но этого позволить себе нельзя. Нужно держаться, быть сильной, тем более что рядом нет плеча, на которое можно было бы опереться.

Прошло несколько отчаянных лет. Зрение у мальчика ухудшалось, но вдруг по городу пошли слухи, что в их захолустье приезжает профессор – мировое светило офтальмологии – и планирует сделать несколько операций. Впервые забрезжила надежда, и Тамара бросилась к главврачу больницы. Тот хорошо знал Тамару, Алёшку и всю их печальную историю, поэтому записал мальчика в очередь на операцию и велел сдать множество анализов.

Но где взять деньги? У друзей и знакомых таких средств нет.

Оставалась единственная возможность – взять кредит в банке. Побегав за справками, Тамара немного успокоилась: кредит обещали дать. Впервые за долгие годы женщина воспрянула духом. Внимательно осмотрев себя в зеркало, чего давно не делала, она вздрогнула: неужели эта женщина со скорбными складками у рта и поседевшими волосами – она? Постоянное уныние сделало свое дело, превратив цветущую женщину почти в старуху.

«А ведь мне еще и тридцати пяти нет», – Тамара заставила себя улыбнуться. Она верила, что даже искусственная улыбка, отправленная миру, меняет действительность и улучшает судьбу.

Вопрос с кредитом решился только к вечеру пятницы. В банке ее клятвенно заверили, что деньги переведут на расчетный счет больницы в понедельник утром. Не сдержавшись, Тамара расплакалась прямо в кабинете управляющего банком: в понедельник заграничный врач покидал страну! С трудом уговорив дать ей деньги наличными сегодня, немного успокоенная женщина направилась в больницу, благо она совсем рядом – только мост перейти.

Вечерело, над водой поднимался туман, фонари слабо освещали город, выхватывая из тумана отдельные участки серой мостовой и ржавые конструкции моста. Дойдя до середины моста, женщина повеселела. Она мечтала, как они с Алёшкой снимут летом домик в деревне, будут гулять по лесу, собирать ягоды, купаться в речке...

Вдруг женщина почувствовала, что кто-то с силой тянет ее сумку. Тамара пыталась прижать сокровище к себе, но грабитель изо всех сил дернул сумку и убежал. Тамара оглянулась – кругом ни души.

Оцепенев, с трудом передвигая ноги, она приблизилась к перилам моста. Свинцовая вода заворачивала и манила. «Это лучший выход», – подумала женщина, перебираясь через перила...

...Василий Петрович, директор завода, был не в настроении: на ночь глядя его вызвали в главк на совещание.

– На заводе дел по горло, а они все совещаются, – ворчал мужчина. Посмотрев в окно машины, удивился, что едет другой дорогой, а не как обычно.

«Неудивительно, что я стал таким рассеянным: проблемы на работе дают о себе знать».

Вдруг взгляд директора завода выхватил в слабом свете фонаря женскую фигурку у перил моста. Мужчина замер от ужаса:

– Ишь чего удумала, – пробормотал он и осторожно выбрался из машины.

Чтобы не испугать женщину, бесшумно подошел и схватил несчастную в охапку мощными ручищами. Та стала вырываться, но Петрович не уступал. Посадив неудавшуюся самоубийцу в машину, закричал, освобождаясь от своего испуга и напряжения:

– Ишь чего удумала, девка! С ума сошла!?

Тамара разрыдалась, худенькие плечи ее содрогались от всхлипов.

– Что случилось-то? – уже более спокойно спросил спаситель.

– Деньги, деньги украли, я не хотела, — только и смогла сквозь рыдания выговорить несчастная.

– Эх, до чего народ дошел, – махнул рукой Василий Петрович, – неужто из-за денег топиться стоит!? Куда побежал вор, барышня? – мужчина завел машину.

Тамара неопределенно махнула рукой.

Поиски конечно же не дали результатов, тем более что описать нападавшего Тамара не смогла. Василий Петрович был в растерянности, он испытывал искреннее сочувствие к бедной женщине.

– Теперь куда ехать-то?

– В больницу, – прошептала Тамара.

Едва зайдя в кабинет главврача, женщина снова зарыдала.

– Что случилось, Тамара Сергеевна?

– Деньги украли, – в голос завывала та.

– Тамара Сергеевна, голубушка, – взволнованно произнес интеллигентный главврач. – Я названивал вам целый день, но вы не отвечали: доктор решил сделать операцию бесплатно, то есть на благотворительных началах! Никаких денег не надо.

– Что? – Тамара не верила своим ушам. Она испытывала те же чувства, что и приговоренный к смерти, но внезапно – прямо перед казнью – помилованный. – Спасибо, благодарю вас, – уже со слезами радости Тамара крепко обняла вконец растерявшегося врача.

– Ну все, все, голубушка, ступайте домой, все будет хорошо. Прошу вас, – обратился он к известному в городе директору завода, – будьте добры, проводите даму.

– Конечно, – потрясенный столь драматическими событиями, мужчина подхватил Тамару под руку.

– И все-таки вы дурица, – сказал Василий Петрович, проводив Тамару до дома. – Почему не взяли машину, чтобы с такими деньгами доехать до больницы?

– Так ведь рядом совсем, – оправдывалась та, ей было стыдно признаться, что в кармане не осталось ни копейки и денег хватало только на операцию.

– Простите, что так напугала вас. Это была минутная слабость. Уверена, что я совлала бы с собой и не стала этого делать. Кто же позаботится о моем сыне, если не я? Но вы появились вовремя... – Тамара с благодарностью посмотрела на своего спасителя.

Когда Тамара пришла домой неожиданно раздался звонок в дверь.

«Господи, кого еще принесло? – открывая дверь, подумала женщина. Этот день никогда, видимо, не закончится».

За дверью, к ее удивлению, стояли двое полицейских.

– Гражданка Коренева Тамара Сергеевна? – официально произнес один из них.

– Д-да, – заикаясь ответила Тамара. – Хотя мама называла меня Тонико, – зачем-то добавила она.

– Это ваша сумка? – заметно было, что полицейского несколько удивило Тамарино уточнение, но после секундного замешательства он протянул украденную вещь.

– Моя, – ответила женщина, с волнением открывая сумку. Деньги были на месте!

– Задержали одного подозрительного типа, прятался и неадекватно вел себя. По банковским документам узнали ваши адрес и фамилию, – объяснил полицейский. Затем оба, отдав честь, ретировались, не дожидаясь пока гражданка придет в себя от изумления.

«Как такое может быть, что день, обещавший быть последним днем жизни, окончился так хорошо?» – подумала обессилевшая от потрясений Тамара.

На этом месте я замолчала. Некоторое время в палате стояла тишина.

– А мальчик выздоровеет? – всхлипывая и громко сморкаясь, спросила тетя Валя.

– Послушайте, – прошептала другая, – рядом с моей сестрой в коммуналке живет некая Тамара, у нее слепой сын. Кто знает, может это история про них?

Но я молчала, не слушая их. Я – Корректор Судеб, и меня не трогают их сомнения. Я сделала больше, чем могла, рассказав эту историю, хотя вовсе не обязана была это делать, ведь им непросто понять мою конечную цель.

Было жаль этих добрых женщин. Они украдкой утирали слезы, им так не хватало сказочных историй в их нелегкой и безрадостной жизни. А все мои истории заканчивались хорошо, потому что я вкладывалась в них душевно и физически.

– А теперь вам нужно отдохнуть, дорогая моя, – сказал добрейший Иван Андреевич, аккуратно свернув в рулон мою картину. Я согласно кивнула и улыбнулась.

Этот замечательный доктор смог убедить меня, что дар корректировать судьбы людей ниспослан мне свыше, долго и путано объясняя причины, по которым я стала обладателем этого дара. Я ничего не поняла. Одно слово – сумасшедшая. Да мне и не надо понимать, ведь мой доктор никогда не врет. Одно я уяснила: необходимо творить добро, иначе дар исчезнет, а ко мне вернется тоскливая и страшная гостья – депрессия. Все мысли и ощущения доктор посоветовал мне переносить на бумагу.

Это дар, а не наказание, как вначале думала я, и не мания величия, как полагали окружающие. Пришло осознание, что у меня есть основания гордиться собой – главное, никому не рассказывать о своей исключительности.

Мне стало гораздо лучше, и в перерывах между приступами я больше не лежу, бессмысленно уставившись в потолок, а гуляю по больничному саду и даже беседую с душевнобольными.

У Ивана Андреевича тоже есть бесценный дар – врачевать души людей.

Зеленый камень богини

*Дыхания жизни загадочный страж,
А может быть, это пустыни коллаж,
Наверное, это иллюзии след:
И города нет, и спасения нет...*

Вертолет все глубже уходил в знойные пески Кызылкума. Внезапно началась буря. Застывшие гребни барханов сначала потеряли четкие очертания, а потом и вовсе исчезли под громадой песка. Вертолет погрузился в песчаное облако. Изменился звук мотора— он будто закашлялся, торопливо сбрасывая обороты, а вскоре и вовсе заглох. Стало ясно, что катастрофа неминуема. Но молодой пилот не потерял самообладания и, отчаянно борясь с потоками песка и пыли, все же посадил легкомоторный вертолет. От удара затрясло корпус, и Рустам ощутил, как машина со скрежетом вгрызается в песок.

Очнувшись, Рустам ничего не увидел, кроме серой пелены. Рядом стоял Даврон, пилот вертолета, и с ужасом наблюдал, как машину засасывает песок, будто затягивая его в яму.

Рустам огляделся в поисках спасения. Ветер, к счастью, немного ослаб, и сквозь тучи песка стали заметны хребты невысоких гор, над которыми возвышались мрачные стены полуразрушенного сооружения.

Он показал пилоту на него рукой, тот что-то ответил, но Рустам не расслышал.

– Побежали, – громко скомандовал Рустам.

Каменное сооружение представляло собой полуразрушенную квадратную постройку из необожженного кирпича или камня с четырьмя арками и куполом. Нырнув под его своды и сделав несколько осторожных шагов, мужчины оказались в квадратном зале. Через отверстия в куполе сыпался песок.

Они сели на песок перевести дух.

– Сколько раз летали, но первый раз попали в бурю... Ты проверял прогноз перед вылетом? – раздраженно спросил Рустам.

– Не волнуйтесь, Рустам Рахимович, я успел передать сигнал SOS до того, как вертолет «утонул». Вот только от курса мы отклонились. Но, уверен, нас найдут. Когда выходили из Учкудука, на небе не было ни облачка, и прогноз хороший, – оправдывался пилот.

– Ничего, не пропадем, здесь отсидимся, – ободряюще похлопал пилота по плечу Рустам.

На зубах скрипел песок, ужасно болели глаза, все тело кололо попавшими под одежду песчинками-иголками.

Немного отдохнув, решили обойти свое временное обиталище. Песок со временем так уплотнился, что по нему можно было ходить, как по полу. Повернув налево, они наткнулись на нишу, в которой стояла небольшая статуэтка женщины.

– Наверное, богиня какая-то, – предположил Даврон.

– Скорее всего, сделана из терракоты, даже краска сохранилась, – добавил Рустам.

Рука мастера изваяла одежду, ниспадающую свободными складками. Лицо незнакомки было милым и одновременно строгим и величественным. Казалось, она, слегка хмурия тонкие, изящно изогнутые брови, изучающе смотрит голубыми глазами на незваных гостей. В левой руке богини жезл, а правой она касается лба, который венчал зеленый камень. Рустам взял в руки статую, чтобы получше рассмотреть. Несмотря на пронизывающую все тело боль, он не мог скрыть восхищения:

– Надо же, как в древности умели делать, – рассматривал он тонкие черты лица женщины, давно исчезнувшей в глубине веков. – Скорее всего здесь был зороастрийский храм, а это одна из богинь того времени. В разрушенном храме среди пустыни – и такая красота! – не в силах оторвать взгляда от статуи, воскликнул Рустам.

Он уже неохотно протянул руку к нише, чтобы вернуть фигурку на место, как Даврон вдруг грубо выхватил ее у него из рук.

– Что с тобой? – удивился Рустам.

Даврона, совсем недавно совершенно спокойного, будто подменили.

– Вы представляете, сколько это может стоить?! Продадим – и всю жизнь как сыр в масле кататься будем, – Даврон спрятал статуэтку за спиной.

– Отдай сейчас же, – разозлился Рустам.

– Думаете, раз начальство, вам все можно? Я тоже хочу хорошо жить, а не считать копейки, которые вы мне платите!

Выпалив это, Даврон вдруг побежал в соседний придел храма. Интуитивно Рустам понимал, что этот артефакт нельзя забирать из древнего святилища, и бросился вдогонку за Давроном.

Пилот был моложе Рустама и выше ростом, но Рустам много лет занимался легкой атлетикой и борьбой, поддерживал форму в фитнес-зале. Конечно, драка в храме посреди пустыни могла плохо для него закончиться, но он не собирался уступать потерявшему голову пилоту.

Даврон, уже не контролировавший себя, вдруг развернулся и буром пошел на Рустама. Тот молниеносно поставил ему подножку – пилот упал, ударившись головой о колонну. Рустам с ужасом смотрел, как из-под головы пилота вытекает густая темная кровь, а песок жадно впитывает ее, словно долгожданную жертву. С опасением подойдя к пилоту, он попытался нащупать пульс. Пульса не было. Вне себя от ужаса, Рустам выбежал из храма и долго беспорядочно бродил по пустыне.

Ветер утих, в небе блекло светился серп луны. Рустам с надеждой посмотрел на ночное светило, на дальние звезды, но они бесстрастно наблюдали за человеком. И он вдруг остро почувствовал, как одинок в этой бескрайней пустыне.

Пройдя еще несколько шагов, Рустам в изнеможении упал, утратив последние силы и вместе с ними всякое желание бороться. Он был в беспмятстве, когда послышался гул вертолета.

...Вечером раздался звонок в дверь. В комнату вошла Тамила, держа в руках какой-то предмет.

– Это тебе, – удивленно протянула Рустаму жена нарядную, упакованную в блестящую бумагу, коробку.

Он нехотя вскрыл ее. Взгляд скользнул по содержимому, и в его карих глазах, быстро сменяя друг друга, вспыхнули сначала удивление, а затем страх.

Он вскочил на ноги. В приложенной записке было только одно слово – «Убийца» Трясущимися руками он взял уже знакомую статуэтку, а богиня, как ему показалось, сурово посмотрела на него.

Он стал внимательно рассматривать слово на записке. Буква «у» была написана своеобразно – с апострофом. Он знал, что так ее пишет только Даврон: много раз видел авиационную карту местности с его пометками. Но такого просто быть не могло!

– Тамила, кто принес коробку? – крикнул он.

– Обычный курьер, – ответила жена.

В волнении Рустам вышел из дома. На улице было ветрено, прохладно, но ему не хватало воздуха. Он долго бесцельно бродил по улицам.

Прошло полгода после событий в пустыне. Чтобы справиться с перенесенным стрессом, он даже обратился к психотерапевту, который посоветовал ему найти интересное занятие. Рустам стал рисовать, но из под его кисти чаще всего выходили пески и фигурка пустынной богини.

Рустам осознавал, что все случившееся не что иное, как несчастный случай – он не хотел ведь убивать пилота! Но подсознательно себя винил. Даврон дважды его спас: когда сумел посадить вертолет и когда успел вытащить из упавшего в песке вертолета. А чем отплатил он?.. Не совладал с гневом, и в результате человек погиб... И уж совершенно невероятно, чтобы в безлюдной пустыне оказался свидетель его, пусть и непреднамеренного, но преступления. Кто его шантажирует? Ему стало страшно, он кожей чувствовал приближение опасности.

Словно в подтверждение его мыслям зазвонил телефон. Он ответил, но в трубке молчали.

Кто подсунул ему эту фигурку? Ее в магазине не купишь – антикварная редкость, а в том, что это настоящая статуэтка из храма, а не подделка, Рустам был уверен. Прошло время, и он постепенно стал приходить в себя. Трудно было изображать счастливого, которому удалось спастись, в отличие от того, кто заблудился в пустыне и сгинул. Именно так он объяснил исчезновение пилота.

Со временем совесть все больше успокаивалась, отступало чувство вины, он даже начал убеждать себя, что Даврон сам виноват в своей гибели.

Рустам разглядывал статуэтку. Красота ее больше не восхищала его, напротив, пустынная богиня вызывала только страх. Рустам продолжал анализировать ситуацию:

«Даврон был мертв, когда я уходил. Неужели каким-то невероятным способом пилот выжил в пустыне? А может, кто-то нашел его и вернул к жизни? Быть того не может! Кто в безлюдной пустыне мог помочь?! Неужели есть кто-то, знающий правду? Но он же никому ничего не рассказывал, даже жене и психотерапевту...»

Когда на следующий день он пришел домой – жены дома не было. Вдруг он почувствовал запах сигарет. Что-то знакомое... Лоб его покрыла липкая испарина – сигареты Rich с запахом вишни! Именно такие предпочитал Даврон. Он прошелся по комнатам, даже заглянул на балкон —никого!

– Тамила, спросил он вернувшуюся жену, ты чувствуешь запах сигарет?

– Нет, не чувствую, – удивилась жена. – Дорогой, тебе необходимо отдохнуть, давай съездим куда-нибудь, а то мерещится невесть что.

– Ты ведь знаешь, у меня проблемы на работе, как я поеду?

– Рустам, у нас достаточно средств, чтобы долгие годы жить как нравится. Поедем к морю! Ну расскажи, что с тобой, я постараюсь помочь, – добавила она, не получив ответа на свое предложение. Весь вид жены выражал сочувствие и желание поддержать мужа в трудной ситуации.

– Со мной все в порядке, – попытался развеять он опасения Тамилы.

После трагедии Рустам ушел в себя: был опустошен, растерян и потерял былой азарт и интерес к работе. Коллеги уже стали замечать это и иногда косились на него.

Отношения с женой и раньше-то не клеились, а после авиакатастрофы испортились еще больше. Рустам потерял всякий интерес к жене и был уверен, что разрыв неминуем. Тамила мужественно делала вид, что все в порядке, и старалась не замечать его равнодушия. Но сегодня она была на взводе:

«Учкудук – три колодца,
Защити, защити нас от солнца.
Ты в пустыне – спасательный круг,
Учкудук» —

нарочито фальшиво пропела жена. – Тебе не надоела эта дыра? Скучные серые дома, саксаул, песок на зубах, песок в волосах... Сколько можно?!

– Я люблю свой город. Я же рассказывал тебе, что его строил мой дед, как и множество других энтузиастов. Это был невероятный город – город талантливых, умных, эрудированных специалистов. И просто хороших людей, которые понимали друг друга с полуслова, – понесло вдруг Рустама.

– Был да сплыл, – фыркнула Тамила.

– Это кладовая урана и золота нашей страны. Здесь и сейчас много умных и мотивированных людей.

– Мотивированных чем? – Тамила насмешливо посмотрела на него и, хлопнув дверью, ушла.

Вечером курьер принес письмо. В нем почерком Даврона было написано: «Ответишь жизнью за свой подлый поступок, убийца». И все тот же апостроф над буквой «у».

Рустам покачнулся – сильно закружилась голова. Тамила, забыв обиды, настояла на вызове врача.

– Ничего страшного, давление упало, бывает. Сейчас выпишу лекарства, витамины. Повода для беспокойства нет. Полежите несколько дней – и все будет хорошо. Я вам выпишу рецепт.

Ночью ему снилось, как истекающий кровью пилот встал и укоризненно посмотрел на него, а богиня нахмурилась и погрозила ему пальцем.

Тамила заботилась о нем, следила чтобы он вовремя принимал таблетки, но ничего не помогало: ночью его мучили кошмары, не отпускало напряжение. Вдобавок ко всему часто звонили по телефону и молчали, и молчание это было зловещим и пугающим, поэтому он отключил телефон. Ему становилось все хуже, и жена настаивала на госпитализации, но он отказывался – ему уже было безразлично.

Однажды он открыл ящик стола, но вместо ненавистой фигурки увидел блестящий ствол пистолета. Он понял, что это сейчас очень нужный предмет, потому что знал: скоро придет Даврон.

Как-то вечером послышался звонок в дверь. Жена, открыв дверь, громко вскрикнула:

– Ты?! Но ты ведь... погиб, – женщина истерично закричала.

Ручка двери повернулась, и в проеме показалась высокая мужская фигура. Рустам не видел его лица, но знал: это Даврон! Убить его еще раз он не мог, оставался единственный выход – приложить пистолет к своему виску и выстрелить.

...После похорон Тамила зашла в кабинет мужа: «Я не думала, что ты так быстро сдашься. Конечно, таблетки свою роль сыграли. За долгие месяцы ты не вспомнил, что сам положил эту статуэтку в карман, когда в шоке убежал из храма. Потом я нашла ее в твоей одежде, которую вернули из больницы. Хорошо, что ничего у тебя не спросила, а то бы мой план не удался. Через полгода я унаследую твои акции и деньги в банке, куплю дом у моря и – прощай пустыня».

Она представила, как будет засыпать под мерный рокот волн, а в саду будут цвести магнолии и расти апельсиновые деревья. И весь мир будет лежать у ее ног!

Тамила взяла статуэтку песчаной богини и впервые за все время внимательно ее рассмотрела. Она разглаживала тонкими пальцами складки ее одежды, рассматривала таинственное и привлекательное лицо незнакомки. «Это действительно стоящая вещь, а не бесполезная безделушка, как я сначала думала...» – решила она.

«А нужен ли мне этот психотерапевт? Пожалуй, нет... Да, он был полезен, когда, работая с Рустамом, разобрался, что случилось в пустыне на самом деле. Он раздобыл таблетки, которые окончательно сломили волю Рустама, и пистолет. А какую чудную сценку мы с ним разыграли под конец! Станиславский бы мне поверил. Но врач исполнил свою роль, поэтому adieu – прощай, мой друг, прощай», – Тамила послала воздушный поцелуй.

Вдруг она заметила, что зеленый камень на голове богини замерцал. Тамила заворуженно смотрела на него, не в силах оторвать глаз. Вдруг показалось, что ее втягивает в воронку – она попыталась сопротивляться, но не смогла. Потом она полетела по спирали сквозь золотое пространство, ощущая нарастающий жар солнца.

...Со стоном открыв глаза, Тамила очнулась.

– Где я? – она с трудом поднялась, осмотрелась и увидела, что находится внутри каменного сооружения. Сквозь полуразрушенный купол светило беспощадное солнце.

– Что за жуткие развалины? Как я здесь оказалась?! Что за чертовщина!

Ей стало страшно, очень страшно. Она задрожала всем телом, опустилась на песчаный пол и зарыдала.

– Может, я сплю? Кто-то меня загипнотизировал?

Потом она немного успокоилась, в голове мелькнула здравая мысль.

Она взяла валяющуюся рядом статуэтку и снова стала разглаживать складки одежды богини, мысленно прося перенести ее домой.

Богиня не вняла ее мольбе, и Тамила гневно отбросила статуэтку. Однако спустя пару минут подняла фигурку и, будто околдованная, дойдя до ниши, послушно поставила ее на место. Она не понимала, зачем это делает. Оглядевшись, Тамила заметила полуистлевшее тело на песчаном полу.

Закричав, женщина бросилась вон. Вокруг, насколько хватало взора, простиралась пустыня. У ног ее лежали красные пески Кызылкума...

Тайна Белого Валуна

День близился к полудню. Четверо молодых путешественников— две девушки и двое юношей – быстрым шагом шли по горной тропе.

– Ребята, вот он, самый большой водопад в каскаде! – воскликнула Камилла.

Все остановились, чтобы как следует рассмотреть большой Таваксайский водопад. Очарованные зрелищем падения водной массы с отвесной коричневой скалы высотой в сорок метров, они молча наблюдали, как вода с шумом разбивается о камни. Недаром слово Таваксай переводится как «шумный». Внизу водопад окружён зелёным морем деревьев в отличие от остальной, пустынной, выжженной солнцем земли.

– Я устала, жарко, – Диана бросила рюкзак на землю.

– Ну что же, девчонки, тогда фотографироваться – и привал, – скомандовал Азиз.

Подавнее устроившись и разложив прихваченную с собой еду, путники делились впечатлениями от восхождения к водопадам.

– Видели вон тот белоснежный валун? Он какой-то странный. Давайте рассмотрим его поближе, – предложил Рустам.

– Стой, – остановил его Азиз. – Туда нельзя! Если хотите, я расскажу историю которая случилась с моим прадедом. Это как раз связано с этим валуном.

– Конечно хотим, – хором отозвались друзья.

...Шерали поднялся спозаранку. Сев на ишака, по имени Кулаккли, что означало «ушастый», он двинулся к горам. Ему нужно было найти ягоды сумаха дубильного. Нельзя сказать, что он был в восторге от этого яркого и красивого растения с красными плодами, просто в те голодные годы люди не упускали возможности подзаработать. Из сумаха делали лечебные настои, которые помогали от многих болезней.

Но, сегодня ему не везло: кусты как сквозь землю провалились.

Вечерело, он выбился из сил, живот сводило от голода. Кулаккли тоже недовольно шевелил ушами.

Шерали решил переночевать в Таваксае – поселке, который раскинулся неподалеку, тем более что там жил его дальний родственник почтенный Нияз-бобо.

Уже подъезжая к поселку по пыльной дороге, он услышал звуки карнаев и сурнаев.

«Как удачно приехал-то, прямо к празднику!» – обрадовался Шерали.

Путника приняли, по обычаю, радушно. Люди голодали, но всю жизнь копили детям на свадьбу. Поэтому даже в те непростые времена столы ломились от угощений. Довольный изобилием Шерали отдал должное истекающей жиром самсе, вкусному плову и ароматному шашлыку.

Стемнело. Ветер погнал с погрузившихся в темноту гор прохладу, крупные звезды подмигивали с высоты. Наслаждаясь отдыхом, Шерали сыто откинулся на подушки.

– Нияз-бобо, – нет ли у вас здесь какой-нибудь работы? – спросил он с надеждой.

– Какая у нас работа?! – зевнув, ответил Нияз-бобо. – Это тебе в город надо.

– Хотя... – Нияз-бобо хлопнул себя по лбу, – совсем запамятовал. У моего зятя ферма в горах, и только вчера он говорил, что ищет порядочного работника.

– Куда идти? – приободрился Шерали.

– Недалеко отсюда, полдня пути. Пойдешь в сторону того холма, – мужчина рукой показал направление, – дойдешь до самого большого водопада. Метрах в ста увидишь большой белый валун. Пройдешь мимо него, а там тропинка прямо к ферме ведет. Километра два – не больше. Только к камню близко не подходи! Дурной славой он пользуется. Говорят, люди там пропадают...

Шерали только махнул рукой: мир существует для тех, кто носит на плечах голову, а не пустой горшок! Себя-то уж он, разумеется, считал умным и находчивым.

Взошло солнце, излив на мир свою щедрость. Все сияло и горело в его лучах – деревья, трава, цветы, даже самый неказистый камень сверкал, подобно драгоценному алмазу.

Шерали под стать окружающему великолепию радовался и был доволен – давно он так вкусно не ел. И Кулакли был в хорошем настроении – ему тоже перепало щедрое угощение – охапка клевера и свежие лепешки.

Мужчина взял ишака под уздцы и, попрощавшись с гостеприимными хозяевами, бодро зашагал в горы.

– На вот, возьми, – окликнул его Нияз-бобо и протянул ружье, – так, на всякий случай. Одинокому путнику в горах неспокойно. Потом отдашь по случаю, не переживай.

Свежее, с ветерком утро сменил знойный день. Шерали к этому времени добрался уже до водопада. Присев отдохнуть, он с интересом разглядывал большой Таваксайский водопад. Затем, умывшись в его холодных струях, наполнил флягу и решил двинуться дальше.

Неподалеку высился огромный белоснежный валун, напоминающий верхушку небольшого айсберга. Солнце отражалось от его поверхности каким-то необычным свечением, придающим камню флер таинственности. Глядя на это чудо природы, Шерали раздумывал: откуда взялась здесь такая громада? Рядом с саем расположились его неказистые братья – обычные серые или коричневые валуны, ничем особенным не отличающиеся. Сдвинув тубетейку на лоб и почесав затылок, путник пытался вспомнить, что насчет камня говорил Нияз-бобо.

«Кажется, он говорил, что к нему нельзя приближаться». После обильных возлияний накануне Шерали не все помнил. Впрочем, мужчина не верил слухам о таинственных исчезновениях и прочих странных происшествиях.

Вдруг он испытал нестерпимое желание подойти к камню и посмотреть на него вблизи. Ишак упирался, но Шерали пригрозил ему плеткой, поэтому Кулакли ничего не оставалось, как последовать за хозяином.

– Кажется, мрамор... – Шерали пощупал камень и шагнул за него. – Вот видишь, все в порядке, ничего не случилось.

Но ишак, похоже, думал иначе, поскольку непрерывно оглушительно орал.

Шерали прошел немного вперед и сел на сваленный ствол дерева. Воздух был чистый, солнце освещало снежные шапки высоких гор.

Мужчина потянулся к цветку с зелеными в черную крапинку лепестками и вдруг отпрянул.

Разве бывают такие цветы? И откуда взялись высокие горы, когда только что были невысокие холмы Таваксай?

Ответов на вопросы не было.

Внимательно осмотревшись, он вдруг заметил, что и деревья вокруг огромные.

Откуда?! В горах растет боярышник, орешина, миндаль. Вместо них к нему протягивали свои зеленые лапы толстоствольные гиганты с красновато-коричневой корой, чьи листья напоминали дубовые, только раза в два больше. Высокие кусты с желтыми в красные пятнышки ягодами попадались на каждом шагу. Крупные грибы имели странный фиолетовый оттенок. Шерали заметил большого сиреневого впившегося хоботком в шляпку жука – он насыщался соком гриба. Трава была почему-то зловещего сине-зеленого оттенка... Шерали никогда не видел такого растительного буйства: местным горам это не свойственно. Да и не только местным.

«Неземное...» – мелькнула в голове шальная мысль.

От природы Шерали был любопытным, но и в здравом смысле отказать ему было нельзя. Все происходившее казалось диковинным сном. Ишак, пугливо озираясь, даже не пытался

щипать траву. Интуиция подсказывала, что нужно как можно быстрее выбираться из этого странного места, поэтому он повернулся и пошел обратно.

Внезапно он спиной почувствовал взгляд. Вздрогнув, повернулся и увидел невысокого человека в серой рубашке и холщовых штанах. На шее его висело ожерелье то ли из камней, то ли из корней каких-то растений. Данный субъект вежливо улыбнулся и спросил, куда Шерали держит путь.

– Скажите, как мне дойти до большого белого камня? – растерялся Шерали. – Я правильно иду?

– Увы, нет, – с легким поклоном ответил незнакомец и махнув рукой показал в противоположную сторону: – Вам туда.

Удивившись, Шерали все же пошел в указанном направлении. Пройдя немного, обернулся, но незнакомец исчез – как будто испарился!

– Ничего, посмотрю, что там дальше, и вернусь. Хотя, может, я заблудился?

Пройдя шагов триста, он увидел небольшой глинобитный дом.

«Надеюсь, здесь мне укажут верное направление», – только успел подумать Шерали, как на пороге появилась девушка в длинном платье. Ее прическу из множества косичек украшала необычных сине-фиолетовых оттенков тибетейка, на шее играло разными цветами монисто из монет и бусин. Точеные черты лица, черные как ночь глаза...

– Куда путь держишь? – нежно спросила девушка.

Глядя на нее, Шерали немного успокоился: страхи его улетучились, местность уже не казалась такой зловещей.

– Уважаемая, как мне дойти до белого камня?

– Здесь недалеко. Не беспокойся, я тебя провожу. Ты, наверное, устал, путник? Заходи, отдохни и попробуй моего угощения, – девушка сделала приглашающий жест.

Шерали почувствовал себя вдруг очень голодным и усталым и решил, что часок-другой отдыха ничего не изменит. Тем более что девушка ему очень понравилась.

– Привязав ишака под навесом, Шерали зашел в дом. В середине большой комнаты стоял невысокий столик, вокруг которого были разложены курпачи. Кухню от комнаты отделяла стеклянная дверь.

– Меня зовут Хавса, – женщина быстро накрыла на стол, поставив большую тарелку с мясом и овощами фиолетового цвета, синей зеленью, хлеб и какой-то напиток в глиняном горшке.

– Меня Шерали, – представился он.

Шерали с опаской попробовал еду, но она оказалась вкусной, и он с удовольствием поел.

– Хавса, а ты здесь одна живешь?

– Да, одна. Но неподалеку кишлак. Я травница, собираю травы и лечу местных.

– А тебе не страшно одной?

– Я ничего не боюсь, – твердо ответила девушка и, заглянув в ее глаза, Шерали вдруг понял, что она старше, чем кажется.

– Отдыхай, путник, – Хавса бросила на курпачи пару подушек, – а я пойду к саю по воду.

– Может, тебе помочь, хозяйка? – вежливо предложил Шерали.

– Не беспокойся, я сама справлюсь, – Хавса взяла кувшин и удалилась.

Шерали вышел на порог и удивился, увидев, что на горы уже опускаются сумерки. Он полюбовался последними лучами солнца, которые украсили величественные пики гор в розово-золотистые краски и только потом спохватился, что вроде бы недавно был полдень...

Лестница в прихожей вела в подвал. Вдруг на ней что-то блеснуло. Нагнувшись, Шерали поднял монету с надписью незнакомыми буквами. Наверняка золотая!

Он крадучись спустился по лестнице и осторожно приоткрыл дверь, за которой оказалась небольшая комната, заваленная вещами. Повсюду прямо на полу в беспорядке валялись

коробки, мешки, сундуки. Шерали открыл коробку – там травы, корешки, в сундуке – разноцветные тряпки или одежда. Он уже махнул рукой на весь этот хлам, но ради интереса открыл маленький сундучок и замер: там в скудном свете закатного солнца, пробивающегося сквозь небольшое оконце, тускло поблескивали монеты.

Пугливо озираясь, мужчина взял, сколько поместилось в ладони, и опустил в карман. Вдруг он почувствовал, что кто-то смотрит на него. Обернувшись, увидел большого черного кота. На шее животного висело ожерелье из камней и растений.

– Где-то я это уже видел... – подумалось Шерали.

Между тем кот укоризненно, как показалось мужчине, посмотрел на Шерали, махнул хвостом и, юркнув в угол комнаты, исчез так же неожиданно, как и появился.

Шерали даже встал, чтобы посмотреть, куда делся кот, и нечаянно уронил зеркало. Это было старинное круглое зеркало в бронзовой оправе. Мужчина протер его и аккуратно поставил на место. Вдруг за своим отражением в зеркале он заметил темный силуэт. Силуэт превратился в жуткую старуху, редкие седые волосы которой едва прикрывали покрытый пигментными пятнами череп. Морщинистое лицо искажала кривая ухмылка. Нос длинный, загнутый крючком, глаза ввалившиеся, зубы желтые, большие, как клыки, руки длинные и костлявые. С колотящимся сердцем Шерали обернулся, но там никого не было.

– Алмауз кампыр... Надо же, чего только не привидится, – мужчина рукавом вытер липкий пот со лба.

Он тихонько вышел из комнаты и поднялся наверх.

«Нужно срочно бежать отсюда, что-то здесь нечисто» Но вдруг Шерали почувствовал, что ужасно хочется спать.

«Ничего, завтра с первыми лучами солнца я уйду», – успел подумать Шерали, проваливаясь в сон.

Когда он проснулся, Хавса уже возилась на кухне. Через стеклянную дверь было видно, что девушка, покрыв голову платком, месит тесто.

«До чего же хозяйственная, так бы и остался здесь, но в доме у нее какая-то чертовщина...»

Шерали потихоньку встал, взял свою котомку, ружье и на цыпочках пошел к выходу. Но выхода... не было: дверь куда то исчезла! Он вопросительно посмотрел на Хавсу. Словно почувствовав взгляд, та повернулась. Руки ее были в муке, но лицо... господи, что это?! Вместо девушки на него смотрела вчерашняя жуткая старуха. На ее шее вместо монисто «красовалось» мерзкое ожерелье из живых червяков и пауков.

– Скоро будет самса, – она рукой показала на казан с мясом, поверх которого лежала его собственная голова.

Шерали в ужасе застыл, затем забегал по комнате в поисках выхода из этой ловушки.

– Бесплезно, – засмеялась старуха жутким дребезжащим голосом. – Ты наверняка вкусный, но попробовать тебе самсу не удастся, – продолжала издеваться ведьма.

В этот момент на улице жутко заорал Кулакчи. Старуха на минутку отвлеклась – и наваждение исчезло, появилась дверь. Не теряя времени мужчина, выбив ногой дверь, выбежал на улицу и... чуть не упал в обморок. Бедного ишака окружала толпа страшных существ с пустыми глазницами. В руках они держали ножи и вилы, направленные на несчастное животное.

– Шайтаны! – в ужасе закричал мужчина и не теряя времени выстрелил наугад. Два чудища упали, остальные отступили.

Быстро отвязав ишака, по боку которого струилась кровь, Шерали что есть мочи помчался, стремясь оказаться как можно дальше от жуткого места. Кулакчи, несмотря на боль, тоже не отставал. Вдруг мужчина услышал топот погони. От страха он побежал еще быстрее.

На горизонте уже появился белый валун, но чем ближе Шерали к нему приближался, тем тяжелее было бежать. Сердце стучало, пот застилал глаза, а топот погони не утихал. Последние метры он полз по земле, но, когда осталось совсем чуть-чуть, кто-то ухватил его за ногу. Тут наилучшим образом проявил себя Кулакли: лягнув копытом жуткое существо, он потянул Шерали, ухватившегося за поводок, и буквально вытащил его за валун. Как только они пересекли невидимую линию, все исчезло. С облегчением Шерали увидел, что местность приняла обычные очертания. За валуном, как прежде, виднелись немногочисленные кустарники и деревья. Минут десять мужчина отлеживался на траве, потом с трудом поднялся и сел на старый потрескавшийся пенёк. Светила полная луна, освещая знакомый пейзаж Таваксайских гор. Слышался шум водопада. Его даже не удивило, что недавно было раннее утро, а сейчас наступила ночь.

Шерали разорвал рубаху и кое-как перевязал ишака.

– Ничего, дружище, жить будешь, – он ободряюще потрепал его по загривку.

Шерали радовался счастливому избавлению.

«Какое-то проклятое место. Не дай Всевышний никому туда попасть. А ведь девушка, которая оказалась ужасной ведьмой, вначале ему понравилась.

И тут он вспомнил о золотых монетах.

«Ну хоть что-то хорошее! Теперь у меня есть деньги. Построю себе хороший дом, женюсь, куплю баранов, коров и прочую живность и буду жить счастливо и богато», – удовлетворенно подумал он.

Он опустил руку в карман, чтобы полюбоваться золотом, но там вместо монет оказались мусор и труха. Пару секунд Шерали разочарованно смотрел на этот мусор, потом с досадой стряхнул его на землю.

За всем этим наблюдала луна, которая много чего повидала на своем веку, но никогда не уставала удивляться людским поступкам.

Ребята, увлеченные рассказом, слушали затаив дыхание.

– Ну, и как сложилась дальнейшая жизнь твоего прадеда? – спросила Диана.

Он все-таки добрался до фермы. Проработал там некоторое время. Через несколько лет женился и построил дом на заработанные деньги. Родил троих детей и учил их никогда не брать чужого. Кулакли в награду за спасение хозяина больше никогда не работал. До конца жизни ишака холили, лелеяли и вкусно кормили.

Прадедушка не разбогател, но прожил счастливую жизнь. Он никогда никому не рассказывал эту историю. Кроме своих детей. И велел им рассказать своим детям. Так эта история дошла до меня.

– Как интересно, – сказала Диана, по-новому посмотрев на валун. Я и раньше слышала, что Таваксай мистическое место. Получается, этот валун – портал в другой мир или параллельную вселенную?

Азиз пожал плечами.

– А давайте мы сейчас это проверим! – Камилла вскочила на ноги. – История, конечно, интересная, но, по-моему, твой прадед был изрядным выдумщиком. Ему бы сказки писать. Нет никаких иных миров и параллельных вселенных. Рустам, пойдем, – позвала она парня.

Они взялись за руки и, смеясь, побежали к валуну.

– Ребята, стойте, не надо!.. – бросился за ними Азиз.

Но, они не слушали его и радостно бежали навстречу своей судьбе. На секунду остановившись перед валуном, они сделали шаг – и внезапно исчезли.

Зеркало для Дильшода

– Дильшод-ака, просыпайтесь, на работу опоздаете, завтрак уже на столе. Дильшод открыл глаза и подумал: «Эх, опять на работу!». Потом нехотя встал с постели.

– Все вы работаете допоздна, себя не жалеете, – причитала за завтраком жена. Дильшод сокрушенно кивал головой.

– Вот и вчера, вы очень поздно вернулись, – Наргиза укоризненно посмотрела на супруга.

– Ну что поделаешь, было важное совещание, – строго ответил мужчина.

Взяв в спальне портфель, Дильшод по привычке взглянул на себя в зеркало. Однако себя в нем не увидел. Зеркало, словно черно-белый телевизор, показывало события вчерашнего вечера:

Вот Дильшод сидит за столиком в ресторане «Нилуфар» с очаровательной черноволосой красавицей и что-то нежно шепчет ей на ушко. Дильшод, стоя у зеркала, сначала зажмурил глаза, потом осторожно открыл один глаз, но изображение перед взором не исчезло.

«Что это значит, кто сделал?», – в панике подумал Дильшод. Но времени на обдумывание не было, поэтому он схватил зеркало, сунул его подмышку и быстро вышел во двор.

– Дильшод-ака, вы зачем зеркало взяли? – прокричала в окно жена.

– Надо починить, то есть поменять, и, вообще, я опаздываю! – торопливо ответил Дильшод и мелкой трусцой побежал на работу.

– Войдя в кабинет, он солидно сел за письменный стол и сделал вид, что читает вчерашний отчет. Через некоторое время, ненароком взглянув в зеркало, висевшее на противоположной стене, вновь обомлел. Зеркало показывало вчерашнее событие, произошедшее в его кабинете. Посетитель дает ему пухлый конверт, а Дильшод, воровато оглянувшись по сторонам, быстро кладет его в ящик стола.

Сегодняшний, настоящий Дильшод, искоса взглянув на сотрудников, с облегчением заметил, что те увлеченно обсуждают вчерашний футбольный матч. Накричав на них и отправив выполнять поручения, Дильшод снял зеркало со стены и спрятал в шкаф. «Это происки недругов. Наверное, это Алишер метит на мое место начальника отдела. Молодой да ранний. Ну, держись, я тебе покажу! – Дильшод сжал кулаки. «А как он это делает? – пронеслось у него в голове». Невеселые мысли прервал ежедневный вызов к начальнику, на ковер. Зариф ака, был из тех начальников, которые считали, что подчиненных нужно ежедневно ругать для остротки. Дильшод робко постучал в дверь начальственного кабинета, и получив разрешение, кланяясь, вошел в него. Зариф-ака¹ начал свое обычное внушение, а Дильшод, встав по стойке смирно, делал вид, что внимательно слушает. Машинально он каждую минуту кланялся и повторял: «Хоп, булади».

Вдруг, случайно взглянув на зеркало, висящее за спиной начальника, он ужаснулся. Зеркало показывало вчерашнюю сцену: Дильшод-ака хвастает перед подчиненными, что сидит в кресле начальника, положив ноги на стол в то время, как сам Зарифака, вытянувшись в струнку, записывает его мудрые мысли.

Реальный Дильшод взмолился Всевышнему о помощи.

– Дильшод, ты, что застыл как соляной столп? – обиженно произнес начальник.

– Извините, многоуважаемый, я обдумываю драгоценную мудрость ваших слов, проговорил Дильшод, медленно подходя ближе к начальнику.

– А, ну это другое дело, сколько раз говорил, записывайте в блокнот! – поучительно сказал Зариф ака.

В это время Дильшод, сделав вид, что поскользнулся, разбивает локтем зеркало.

¹ Ака́ (акя) – обращение к мужчине старшего возраста.

- Да что с тобой случилось? – закричал начальник, вскакивая с кресла.
- Извините, Зариф ака, я сейчас все уберу, у меня неожиданно закружилась голова.
- Не надо! Если тебе плохо, иди к врачу, – отрезал Зариф ака.

Дильшод выбежал на улицу. Мысли кружились в голове, как стая ворон. Он метался по городу, не понимая, что ему делать: то ли разбить все зеркала в городе, то ли пойти к врачу. Тут зазвонил мобильный телефон, это Нигора-опа, его мама, приглашала на обед.

Накупив продуктов, Дильшод пошел в родительский дом.

– Сынок, почему ты такой бледный, не заболел ли? – забеспокоилась Нигора—опа

– Нет, ойижон, все в порядке – ответил мужчина, тайком поглядывая на зеркало. И тут же зеркало, словно по заказу, начало демонстрировать сцену из далекого детства: Дильшод разбивает копилку, в которую они вместе с братишкой бросали монетки. Потом денежки он прикарманил, а осколки копилки выбросил. Дома потом все долго недоумевали: куда же она девалась?

– Ойижон, – сказал давно выросший Дильшод, закрывая зеркало спиной, – а вам не надоело это старое зеркало? Давайте, я вам куплю новое.

– Да на что мне новое, мне и это нравится, висит себе и висит, – ответила мать.

Дильшод яростно повернулся к зеркалу, и вдруг оно, будто бы смилостивившись над ним, «переключилось» на другую сценку. Вот Дильшод с братишкой приносят с улицы больного котенка. Они кормят его с пипетки и лечат. Со временем он стал здоровым котярой, долго жившим у них в доме. Глядя в зеркало, Дильшод даже улыбнулся, вспоминая, с каким гордым и независимым видом, полный чувства собственного достоинства, кот ходил по двору.

Потом зеркало «перешло» на другой сюжет. Оно показало, как раньше Дильшод нежно заботился о матери, когда она болела. Вот она его благодарит. А вот он помогает отцу и он его благодарит. Что же, такие видения куда лучше. Будто бы гора упала с плеч! Дильшод опять улыбнулся и сказал:

– Вы правы, ойижон, это очень хорошее зеркало.

– Ты, сынок, самый лучший, – ласково сказала Нигора опа. Не зная, что ответить, Дильшод покраснел как помидор, и опустил взгляд к еде...

* * *

– Дильшод-ака, просыпайтесь, на работу опоздаете, завтрак уже на столе. Дильшод открыл глаза и подумал: «Эх, опять на работу». Потом нехотя встал с постели.

– Все вы работаете допоздна, себя не жалеете, – причитала за завтраком жена. Дильшод сокрушенно закивал головой и хотел было ответить, но вдруг вскочил и побежал в спальню. Зеркало висело на своем месте. Дильшод посмотрелся в него и в зеркале увидел лишь собственное заспанное лицо.

– Какое счастье, что это был всего лишь сон, с облегчением подумал он.– Так, какие у меня планы на сегодняшний вечер? – и потер руки.

Зеркало слегка затуманилось.....

Автобус

Мелко накрапывал дождик. Анна Петровна, держа в руке пакет с хлебом, молоком и яблоками, тяжело шла через двор, опираясь на палку. Вдруг ей показалось, что в пожухлой, прибитой дождем прошлогодней траве что-то блеснуло. С трудом нагнувшись, пожилая женщина с удивлением подняла крупную серьгу с красным камнем в обрамлении золотых завитушек. Камень насмешливо поблескивал в морщинистой руке. Она поднесла серьгу к глазам, чтобы получше рассмотреть, и вдруг в груди защемило...

– Не может быть, чтобы это была та самая, – прошептала старушка, держась за дерево. – Нет, показалось, наверно. Надо соседей спросить, может, потерял кто...

Положив в карман диковинную находку, Анна Петровна стала карабкаться по лестнице домой.

Яблочный пирог стоял на столе рядом с белым в синий горошек чайником и такой же чашкой. Она налила в чашку чаю и подошла к окну.

Отрешенно глядя в окно, Анна Петровна видела лишь перемигивание фонарей да отражение своего постаревшего лица. Неужели и завтра будет дождь, тоскливый и беспросветный, непривычный для южного города?

Ночью приснился странный сон. Будто стоит она во дворе, где прошло детство. Распространяя чудесный аромат, цветут вишневые деревья. Она хочет пойти посмотреть, живо ли еще ее любимое дерево – боярка, но боится обернуться, будто опасается чего-то. Рядом с домом проходит дорога. Вдруг по ней едет старый автобус, такой синий, с серенькими полосками, который, громко тарахтя, едет против движения. Он медленно протарахтел мимо, и сидящие в нем люди пристально посмотрели на Анну.

– Второй шанс! – послышался незнакомый голос, и она проснулась...

Как нелегко начинать новый день, который похож на вчерашний, позавчерашний и тот, который был неделю назад. Болит голова, ноют ноги, но нужно встать, заставить себя выпить чаю и полить фиалки на подоконнике. Иначе нельзя. Всюду – в вазочке на столе, на фотографиях, в до блеска вымытой кухне – прячется тщательно замаскированное одиночество. Анна Петровна села в кресло и погрузилась в воспоминания о прошлой жизни. Почему случилось так, что сейчас словом не с кем перекинуться? Почему ее жизнь сложилась так неудачно? Неужели из-за той давней трагедии?

...Тогда тяжело заболела мама, срочно требовалась операция. Деньги Анна Петровна занимала у кого только можно. Родственники, друзья, коллеги не остались безучастными к ее беде. Но собранного все равно не хватало. Тогда Анна решила продать единственную фамильную ценность – старинные рубиновые серьги. Покупатель нашелся быстро, и, пересчитав деньги, она положила их в сумочку. Однако, придя домой, вместо денег... обнаружила резаную бумагу! А ведь покупатель – большой начальник – казался таким порядочным, таким солидным человеком! Она ходила потом к нему, но он велел ее прогнать. Для него она была никто – пустое место. Словом, сюжет один в один с теми, что показывают по телевизору в бесчисленных сериалах. Хотела продать квартиру, да не успела... Долго потом отзывались болью измученные глаза матери на больничной подушке. Да и сама Анна будто бы умерла: ходила как автомат, говорила и делала что положено, душа ее сначала стала ранимой и беспомощной, а потом словно покрылась корой равнодушия и безразличия ко всем и всему.

Но жизнь шла своим чередом – спокойно, без особых потрясений и радостей. Немногочисленные романы ничем не заканчивались. Чтобы порадовать себя, она скопила денег и поехала к морю. Ялта ей очень понравилась, и Анна решила исполнить еще одну свою мечту – прокатиться на теплоходе в Сочи. Когда она смотрела на белый лайнер, сердце ее оттаяло: она почувствовала, что все в ее жизни может еще наладиться.

Его она узнала сразу, несмотря на прошедшие годы. Он сильно поправился и облысел. Рядом, вернее впереди него, высоко подняв голову, шла молодая красавица, а в ушах ее были те самые сережки... Он, мелко семеня короткими толстыми ножками, бежал за ней, преданно заглядывая в глаза. Это выглядело смешно, но Анна не смеялась – прошлое, как оказалось, не забылось, сердце снова пронзила боль, она стала задыхаться от ненависти.

Ночью Анне не спалось, она вышла на палубу и увидела ту девушку. Красавица стояла у перил и в свете луны и смотрела на море. Вдруг корабль сильно качнуло – и девушка, вскрикнув, упала за борт... но успела на несколько секунд ухватиться за поручни. Подбежавшая Анна увидела ее глаза, полные страха и отчаяния, но... не поспешила подать ей руку. А может, в этот момент она вспомнила другие глаза, полные боли и страха смерти?..

Утром на корабле царил переполох. Спутник девушки, команда и пассажиры бегали по кораблю в поисках пропавшей.

Анна никому ничего не сказала. Ведь никто бы не поверил, что не она ее столкнула. Тем более, если бы стали разбираться, нашли бы мотив.

После этого случая Анна сначала злорадствовала, а потом появилось чувство горечи, которое разъедало ее изнутри и опустошало. Женщина окончательно ушла в себя.

Много раз размышляла Анна Петровна о том, могла ли спасти ту девушку. Не оставляло чувство вины, ведь можно было, наверное, успеть помочь! Может, совершив добрый поступок, она изменила бы свою жизнь?

Вспомнился вчерашний сон. Старый автобус времен ее детства... Там кто-то вроде сказал, что дается второй шанс. Только непонятно, для чего он. С тех пор автобус ей снился часто, и после этого ее охватывало щемящее чувство горечи и потери, но Анна Петровна не решалась пойти во двор где прошло ее детство.

Тем временем наступила весна, которая возрождала не только природу, но и желание перемен в жизни. И она решила использовать шанс и повернуть время вспять. Сама не зная, нужно ли это, на плотном листе бумаги написала обстоятельства своей жизни, положила в небольшой конверт и подписала: «Анне. Не выкидывай и обязательно прочитай».

Оделась и с трудом, опираясь на палочку, поехала на другой конец города. Пересаживаясь с автобуса на автобус, она мужественно терпела боль, но любой дороге рано или поздно приходит конец. С трепетом Анна Петровна остановилась у старого трехэтажного дома, заглядывая в окна родной квартиры.

Думая о том, что совсем, видимо, умом тронулась, поверив в эту чушь, тем не менее села на скамеечку и стала ждать. Рядом бегали дети, мимо ходили люди, поглядывая на незнакомую бабку, а она все сидела.

И вдруг все кругом замерло: исчез шум машин, затихли людские голоса, остался только один звук – тархтение старого автобуса, едущего против движения. Анна Петровна вскочила и, прихрамывая, побежала к дороге. Она, изо всех сил цепляясь за траву, камни, раздирая пальцы в кровь, преодолевая боль в руках и ногах, поднялась на проезжую часть. Потом чуть не ползком вскарабкалась по высоким ступенькам в автобус. Кроме нее, там никого не было. Кое-как отдышавшись, она села и стала смотреть в окно.

Автобус медленно тронулся. Поворот – и дома встряхнулись, сбросив время, помолотели, растаял в воздухе новый дом возле ее двора, а на его месте появился овраг, полный воды.

Еще поворот – и исчез новый помпезный ресторан, превратившись в старую чебуречную, а берег канала – в зеленое поле с желтыми одуванчиками. Небеса стали такими же голубыми и чистыми, совсем как раньше.

Еще поворот – и улицу заполнили разноцветные шары и красные флажки, которые несли в руках люди.

– Аня, просыпайся, наша остановка, – мама потянула ее за руку.

Дочка с мамой возвращались с первомайской демонстрации, автобус был переполнен. Дома Аня с сожалением сняла шикарное капроновое платье, которое можно было надевать только в праздники. Она понимала, что для улицы оно не годится. Вдруг из кармана выпал конверт. Читать девочка уже умела. Она была очень аккуратной, поэтому положила конверт в ящик письменного стола, решив, что прочтает потом, позже, а сейчас ее манила улица...

– Аня, ты куда? Скоро будем обедать, – строго сказала бабушка.

– Бабуль, я быстро.

Аня выбежала во двор. Пока никто из подруг не вышел, она быстро вскарабкалась на свою боярку, с которой обычно обзревала окрестности, и, увидев, что в овраге уже появилась вода, подумала, что скоро можно будет ловить головастика, а лягушки начнут оглашать своим кваканьем черную южную ночь. Аня немного помечтала о том, как они будут печь картошку в костре, но тут прибежал мальчишка и заорал во все горло:

– Анька, тебя мама зовет.

Дома вся семья была в сборе. Дедушка что-то громко рассказывал. Папа читал газету. Бабушка подавала на стол пироги, печь которые она была мастерица. Мама примеряла у зеркала крупные рубиновые сережки с золотыми завитками, которые ей очень шли и своим блеском оттеняли ее загадочную восточную красоту. На трюмо стояла коробочка с духами, разрисованная красными макаками, а на кровати лежал большой платок с изумительно яркими красными цветами с зелеными листьями.

Аня застыла на месте от накатившего странного чувства, а чей-то незнакомый голос тихо произнес:

– Второй шанс. Время пошло!

На секунду Аня задумалась и решила на всякий случай запомнить эти слова. Папа, мама, бабушка и дедушка уже сидели за столом. Вся семья отмечала прекрасный весенний праздник – Первомай...

* * *

Стоял теплый осенний день. Анна Петровна, держа в руке пакет с хлебом, молоком и яблоками, тяжело шла через двор, опираясь на палку. Потом посидела на скамейке, любуясь пожелтевшими листьями. С трудом поднявшись по лестнице, она открыла дверь, и сразу почувствовала чудесный запах яблочного пирога. Все было готово для чаепития. Из кухни вышла внучка и взяла пакет из рук бабушки.

– Бабулечка, ну сколько раз говорила, скажи что нужно, и я сама все куплю.

– Мне тоже хочется прогуляться – выйти на улицу, сходить в магазин и я собиралась печь яблочный пирог. Но, смотрю, ты уже все сделала.

– Да, я сама его испекла, – похвасталась Светлана.

– Ах ты моя дорогая, красавица моя, – Анна Петровна обняла внучку и погладила ее по светлым волнистым волосам. – Тогда, давай пить чай.

Она взяла свои любимые, белые с синим горошком чашки и налила густой, ароматный чай. За чаем Светлана весело щебетала, рассказывая бабушке смешные истории из студенческой жизни.

«Какая же я счастливая» – думала Анна Петровна глядя на внучку.

Дом Анны Петровны тоже любил Светлану, поэтому исхитрился и позолотил осенним лучом густые волосы девушки и добавил искорки в блеск ее карих глаз.

Портрет дамы в голубом

Майор Брайан Блекстер давно не был в имении Вязы. Недавно вернувшись из-за границы, он наконец-то нашел время навестить соседей. Широкая аллея из могучих деревьев вела к дому, стоящему на невысоком холме. Обитатели, знавшие майора с детства, встретили его приветливо. Лишь Сэр Джон Милтон, слегка попенял за то, что он давно их не навещал. Его сын, Джордж Милтон, обрадовался старому товарищу по детским играм. Подошли и остальные обитатели дома: дочь сэра Джона – Эмилия Баркер и ее муж Дэниэл, которые постоянно жили здесь со старым отцом после того, как их дела пришли в упадок.

За обедом сэр Джон расспрашивал майора о его путешествиях. Что же касалось остальных членов семьи, то они устаивались лишь язвительных замечаний отца в свой адрес. Чувствовалась давящая атмосфера, царившая в этом доме. Майор Брайан с детства знал тяжелый и желчный характер хозяина и невольно посочувствовал его детям, которые сидели за столом с хмурыми лицами. Среди присутствующих была девушка лет двадцати трех – Флер Лагранж, по всей видимости, француженка, новый секретарь сэра Джона. Это была довольно миловидная, темноволосая девушка, с голубыми глазами. Их скрывали очень портившие ее круглые очки. После обеда пожилой джентльмен попросил Брайана немного подождать его в гостиной.

Эмилия, распорядившись подать гостю кофе, соблюдая приличия, села рядом. Брайан никогда особо не жаловал миссис Баркер, даже в юности. Майор с улыбкой вспомнил, как в детстве они с Джорджем дразнили девочку мисс Унылая крошка. Крошка выросла. Выражение ее лица стало еще мрачнее; уголки губ печально опустились вниз. Общение с этой дамой навело тоску. Вышедшая замуж за рослого и красивого, но безвольного Дэниэла Баркера, который впоследствии прогорел на биржевых спекуляциях, эта дама была вынуждена была жить на иждивении отца, что очень задевало ее гордость.

– А давно у вас работает мисс Лагранж? – поинтересовался майор.

– Всего два месяца, – с гримасой пренебрежения ответила Эмилия.

– Ну и как она вам нравится? – спросил Брайан, скорее для того, чтобы поддержать разговор.

– Иностранка, – презрительно поджав губы, сказала Эмилия. – Сами знаете, от них не стоит ожидать ничего хорошего. Лично я им не доверяю. Впрочем, – вынуждена была признать миссис Баркер, – кажется, отец ею доволен.

– Я давно не видел ваших картин, разрешите мне пройти в галерею? – спросил Брайан, чтобы избавиться от надоевшего общества этой дамы.

Конечно, в небольшой галерее не было шедевров живописи, но многие картины ему нравились, и он с удовольствием любовался ими при каждом посещении. Получив утвердительный ответ, майор отправился в галерею.

Брайан словно вернулся в далекое прошлое и с удовольствием рассматривал знакомые с детства картины и те, которые появились недавно. Проходя мимо окна, он заметил, что Эмилия с мужем прогуливаются по саду. Они шли рядом, но не смотрели друг на друга и не разговаривали. «Как два чужих человека,» – мелькнула мысль. Потом он остановился у всегда нравившейся ему картины – портрета «Дамы в голубом». Копия картины известного портретиста Томаса Гейнсборо была написана талантливо.

Те же холодные оттенки. Голубой в обилии используется для изображения длинной шали, которая свободно лежит на плечах, частично прикрывая платье, шляпка также имеет голубой цвет. Создается такое впечатление, будто густые, сильно напудренные волосы молодой дамы тоже имеют голубоватый оттенок. Снежно белый цвет кожи девушки заставит восхититься любого человека. Внешне невозмутима, с загадочным, пронизывающим взглядом темно-карих глаз. Темные, тонкие брови и небольшая здоровая румяность молодых щек. Локоны дамы уложены таким образом, что наблюдающий видит, как сзади они касаются нежных плеч. А на конце темной шелковой ленты, завязанной под подбородком, виднеется золотое распятие. И, если бы не лицо, то портрет вполне можно было принять за оригинал. Но, сразу становится понятно, что это копия, так как лицо было написано с другой модели.

Брайан уже отошел от картины, как вдруг какая-то, еще неясная мысль заставила его остановиться, но в это время со второго этажа раздались дикие крики.

Экономка, миссис Стоун, вне себя от ужаса кричала, что нашла сэра Джона мертвым в его кабинете. Когда Брайан прибежал в кабинет сэра Джона, на столе растеклась лужица крови. Рядом лежали газета и распечатанный конверт.

Приехавшая на вызов полиция, определила, что сэр Джон был убит тяжелым, тупым предметом, предположительно бронзовым подсвечником в виде фигуры бога Гермеса, который валялся на полу кабинета рядом с креслом убитого. Не теряя времени, инспектор Осборн начал допрос присутствующих, подавленных трагическим происшествием.

Расстроенная экономка сказала, что в это время всегда заходила в кабинет сэра Джона, чтобы получить указания. В этот раз она немного замешкалась, и когда пришла, сэр Джон был уже мертв. На вопрос, не заметила ли она чего-нибудь необычного, экономка ответила, что навстречу ей попала мисс Лагранж, которая была бледна как полотно. Инспектор Осборн

хорошо знал майора, так как одно время они вместе служили в полиции, поэтому попросил его присутствовать при допросе.

Когда вызвали сына покойного, тот сказал, что после обеда сразу ушел в свою комнату и к отцу не заходил. Тогда торжествующий инспектор спросил:

– Скажите, мистер Милтон, а почему вы в такую теплую погоду разожгли камин?

– Я просто хотел навести порядок в своих бумагах.

– А как по-вашему, что это такое? – инспектор протянул ему кусочек обгорелого конверта на котором можно было различить сегодняшнюю дату. – Я думаю, что в ваших интересах рассказать правду. Ведь все знают о ваших денежных затруднениях, мистер Милтон. Говорят, что вы спустили на скачках все наследство, оставшееся от матери.

– Я не заходил к отцу после обеда, – волнуясь, Джордж с трудом подбирал слова – На столике, где обычно оставляют почту, я заметил письмо от моего самого крупного кредитора, адресованное отцу. Я забрал это письмо, чтобы не злить отца, решив поговорить с ним позже.

– А сколько писем лежало на столике?

– После того, как я взял конверт, осталось два.

– Ну что ж, мистер Милтон, вы понимаете, что мы проверим ваши показания, – сказал инспектор, отпуская Джорджа.

Майору Брайану было жаль друга детства. Он не одобрял его образа жизни и знал, что тот не ладил с отцом, был легкомысленным и слабовольным человеком, но ему не хотелось верить, что Джордж может быть убийцей.

Эмилия, постоянно вытиравшая глаза платочком, уверяла, что после обеда не заходила в кабинет отца, а сразу же вышла в сад, где и встретила своего мужа. Потом, услышав крик, они вместе прибежали домой. Ее супруг подтвердил показания жены.

Насчет Эмилии майор был почти уверен, так как разговаривал с ней после обеда. Но, ведь, перед тем как спуститься в сад она имела возможность зайти в кабинет отца. Ее мужа, Дэниэла Баркера он знал не очень хорошо, но был уверен, что ему неуютно в этом доме.

Когда вызвали Флер Лагранж, майору показалось, что девушка не столько расстроена, сколько раздосадована.

– Мисс Лагранж, вы заходили после обеда в кабинет сэра Джона.

– Да, не буду скрывать, я там была.

– Вас видели очень расстроенной, наверняка между вами произошла крупная ссора. Чем она была вызвана?

– Я просила сэра Джона повысить мне жалование. По-видимому, я выбрала неудачное время, так как он был очень зол. Мне показалась, что его расстроило какое-то известие, – Флер в задумчивости сняла очки, протерла их платочком и отбросила со лба кривую челку. – Он отказал мне в резкой форме, и я покинула кабинет.

– И вы, разъярившись, в состоянии аффекта ударили его подсвечником, – подсказал ей инспектор.

– Когда, я ушла из кабинета, он был жив и здоров, – уверенно ответила Флер.

Брайан в волнении ходил по галерее. Его преследовала мысль, что он упускает что-то очень важное. Сев на диван, чтобы привести мысли в порядок, он бросил случайный взгляд на портрет «Дамы в голубом» и вдруг вскочил и, припустившись со всех ног, побежал искать Флер. Девушка стояла у окна и смотрела на нежную зелень сада. Было видно, что напряжение первых минут прошло, и она опустошена и очень расстроена. Как будто почувствовав, что дело приобретает новый оборот, в дверях появился инспектор.

– Мисс Лагранж, снимите пожалуйста очки.

– Зачем? – удивилась Флер, но все же нехотя выполнила просьбу майора.

– Скажите, пожалуйста, зачем вы носите очки?

– Но, у меня плохое зрение, майор, – Флер была явно обескуражена вопросом.

Брайан по собственному опыту знал, насколько люди невнимательны и не обращают внимания на окружающих. Когда девушка сняла очки, он уверился в своих подозрениях.

– Я так и думал, – майор сделал паузу, собираясь с мыслями. – Мисс Лагранж, примерно двадцать лет назад я впервые увидел картину неизвестного художника «Дама в голубом». Поэтому я уверен, что это не ваш портрет, а портрет вашей матери. Вы ведь очень на нее похожи, верно? Есть одна важная деталь. У дамы на портрете были карие глаза, – джентльмен многозначительно помолчал, – сегодня я долго не мог понять, что же меня смущает. Сейчас в галерее висит другой портрет, потому что у дамы глаза голубые. Как у вас. Вы можете объяснить это?

В этот момент в кабинет зашел сержант и, передав какой-то предмет инспектору, что-то прошептал ему на ухо. Инспектор развернул переданный сержантом рулон.

– Это нашли в вашей комнате. Мне непонятно, зачем одну картину надо было менять на другую? Я советую вам все рассказать.

– На самом деле все очень просто и не имеет никакого отношения к убийству, – Флер была совершенно спокойна. – Я сделала это по поручению сэра Джона. Картина, которую вы держите в руках, неожиданно упала, вы ведь видите, что холст сильно поврежден. Сэр Джон дал мне поручение сфотографировать картину и заказать такую же. По-видимому, она ему нравилась. Благодаря тому, что я очень похожа на свою мать, художник, подумал, что это мой портрет, поэтому и написал голубые глаза.

– М-да, звучит правдоподобно. Хотя... мы проверим эту информацию, – инспектор холодно и изучающе посмотрел на девушку.

Извинившись, майор вышел из кабинета, чтобы кое-что уточнить. Сделав несколько телефонных звонков, он вернулся в кабинет, где продолжался допрос секретаря.

– Вы же понимаете, что когда речь идет об убийстве, лучше всего говорить правду, – посоветовал майор. Я обзвонил нескольких художников в городе, и один из них подтвердил, что вы заказывали портрет по фотографии, – майор несколько замешкался. – Я вынужден спросить. Сэр Джон ваш отец?

На глазах у Флер выступили слезы и она кивнула.

– Это грустная и одновременно банальная история, – пересилив себя, Флер начала рассказ.

– Двадцать четыре года назад Джон Милтон служил в дипломатической миссии во Франции. Там он и познакомился с моей матерью. Они полюбили друг друга, и он обещал жениться. Он скрыл от нее, что уже был женат и имел двоих взрослых детей. А когда уехал в Англию, то прекратил с ней всякое общение.

– Для чего же вы поступили к нему на службу?

– Я очень хотела обрести семью. У меня на родине никого не осталось, – плечи девушки сотрясали рыдания. Но, когда сегодня я наконец решилась ему сказать об этом, он отнюдь не обрадовался, а в грубой форме ответил, что чья я дочь – это еще большой вопрос.

– А вы не боялись, что новоявленные родственники узнают вас несмотря на очки, которыми вы прикрывались?

– Нет, уверенно ответила Флер. – Кто же обращает внимание на прислугу? Они все самодовольные, самовлюбленные и надменные... – она не закончила фразы, так как снова отчаянно зарыдала.

Через несколько дней майор и инспектор Осборн собрались для небольшого совещания в здании полиции. Пришлось признать, что все члены семьи были заинтересованы в смерти сэра Джона: у сына были большие денежные затруднения; зятя он, мягко говоря, не любил, и постоянно унижал; дочь страдала от того, что полностью зависит от отца в материальном плане; Флер могла убить его из мести. Почтальон подтвердил, что письмо было от кредитора Джорджа Милтона. Про два других он ничего не мог сказать – не запомнил. На столе осталось

лишь одно письмо, но это была обычная реклама. Третье исчезло, и пока не было найдено. Возможно, как раз в нем и кроется разгадка. Инспектор указал, что ни у кого не было настоящего алиби.

Подсвечник, изъятый полицией как орудие преступления, не оказался таковым. На нем нашли только отпечатки пальцев сэра Джона и больше никаких следов.

– Конечно! – воскликнул майор в волнении. – Как же я мог забыть! Гермес и Афина! В детстве он много раз видел на столе кабинета сэра Джона два подсвечника. Один с фигурой Гермеса, другой Афины. Скорее всего, выбежав из кабинета, преступник схватил орудие преступления, чтобы спрятать, но мы упустили этот момент. Именно второй являлся орудием убийства и его необходимо найти.

– Кстати, – инспектор сделал паузу, – мы сделали запрос во Францию и наши парижские коллеги ответили, что мать ее умерла, а дядя исчез много лет назад. Других родственников у нее нет.

Инспектор Осборн начертил на доске график перемещения всех лиц в доме. Получалось, что именно Флер была последней в кабинете сэра Джона.

– Судя по всему, именно она виновна в смерти отца, – вынес вердикт инспектор. Хотя, в подмене картин действительно нет ее вины. Тем более, что экспертиза обеих картин показала, что они не представляют никакой художественной ценности, и написаны – одна совсем недавно, другая – более двадцати лет назад.

Через пару дней Флер Лагранж предъявили обвинение в убийстве. Прошло еще несколько дней. Все это время майора не покидало ощущение несправедливости происходящего. Он почему-то верил Флер и сочувствовал ей, но не знал как доказать ее невиновность. Когда он вспоминал маленькую фигурку девушки, стоящей у окна, его охватывало чувство, похожее на нежность. Но майор старался гнать от себя подобные мысли и не верил, что его жизнь может измениться к лучшему.

Обдумывая ситуацию и вспоминая события того трагического дня, майор неожиданно вспомнил, что, когда он увидел гуляющих супругов Баркер через окно галереи, то отметил про себя, что Эмилия была в другой одежде. Значит, она не спустилась сразу в сад, как говорила на следствии, а после обеда поднялась наверх, чтобы переодеться. Могла и зайти в кабинет отца. Неожиданная ссора, потеря контроля над собой. Конечно, это только предположения. Каждый из них мог. Полиция прочесала каждый дюйм поместья, обыскала дом, но орудие преступления так и не было найдено. В одном месте, почти у самого забора кто-то вскопал землю, но, надежды не оправдались, там ничего не было. Майор рассуждал так: возможно, преступник закопал подсвечник, но потом перепрятал его в другом месте. Он снова поехал в имение Вязы, чтобы расспросить прислугу. Все опрошенные утверждали, что хозяева на следующий день не покидали имения. Значит, подсвечник еще на территории имения. А если бы это был кто-нибудь посторонний? Как бы поступил случайный свидетель, нашедший этот предмет? Выкинул подсвечник как ненужную вещь, отдал кому-нибудь или сдал в антикварный магазин? Хотя надежда была маленькая, но майор решил не сдаваться и несколько дней обходил магазины и небольшие лавочки своего города, но так ничего и не нашел. Тогда он решил обойти антикварные лавки соседних городков.

Так он и сделал, несмотря на то, что с утра было пасмурно и дул холодный ветер. Целый день он бродил, внимательно рассматривая витрины, но безуспешно. К вечеру, уставший и опустошенный, Брайан сел отдохнуть на скамейку у городской площади. Начал накрапывать дождик и он решил вернуться домой. По дороге майор заметил еще одну антикварную лавку и его взгляд неожиданно зацепился за какой-то предмет, выставленный в витрине. Зайдя в лавку, он увидел тот самый подсвечник, которым по версии следствия был убит сэр Джон. Значит, поиски были не напрасны! Майор сам много раз видел его на письменном столе в кабинете убитого. Подсвечник был сделан из бронзы в виде фигуры богини Афины. На голове богини

было темное пятно, по которому подсвечник можно было отличить от любого другого. После расспросов хозяина, майору удалось узнать, что этот предмет принес ему некий Джим Броттон, грузчик, который работал в магазине неподалеку.

– Сегодня как раз пятница, а Джим навещает в этот день недели узнать, не купили ли его вещь.

– Я куплю, – майор с готовностью достал деньги. – И, если можно, то дождусь здесь этого джентльмена.

Джим Броттон явился в седьмом часу. Майору удалось развязать ему язык только с помощью довольно крупной купюры.

Джим рассказал интересные вещи. Девятнадцатого июня, в тот день, когда произошло убийство, он ездил в гости в соседний город. Праздник затянулся до глубокой ночи, и он решил остаться ночевать в гостинице, тем более что завтра у него был выходной. Спускаясь с пригорка, при свете полной луны он заметил, что прямо у забора поместья Джона Милтона какой-то человек что-то закапывает под деревом. Потом, утопав землю, человек ушел. Джим обрадовался, предвкушая большую прибыль. Немного подождав для верности, он перелез через забор и ножиком раскопал яму.

Там была вещь, упакованная в пакет. Забрав его, Джим вновь закопал яму, и, притоптав землю, пошел в гостиницу. Как же было велико его разочарование, когда он увидел какой-то подсвечник. Джим был не богат и, чтобы получить хоть какие-то деньги, отдал его в антикварную лавку.

– А вы могли бы описать человека, который закапывал подсвечник? – спросил майор.

Чем больше Джим описывал человека, которого хорошо запомнил при ярко светящей луне, тем яснее становилось майору, кто убийца.

Майор тут же связался с полицией, и они разработали план действий.

Несмотря на неурочное время, майор Блекстер поехал в поместье Вязы.

– Извините за поздний визит, – сказал он собравшимся в гостиной Джорджу, Эмили и ее мужу, – но у меня для вас хорошее известие: найдено орудие убийства – подсвечник. И самое главное, на нем остались четкие отпечатки пальцев. Завтра инспектор Осборн объявит вам о результатах экспертизы.

– А разве преступница не найдена? – запротестовала было Эмилия.

«А разве это не ваша сестра?» – хотелось сказать майору, но он сдержался.

Сделав задуманное, майор откланялся, но испуг, появившийся в глазах одного из присутствующих, говорил лучше отпечатка. Самое интересное, что на подсвечнике действительно сохранился один, но четкий отпечаток убийцы. Какое счастье, что Джим по простоте душевной не удосужился вымыть орудие преступления.

Поздно ночью человек с чемоданом, оглядываясь и стараясь идти бесшумно, пробрался к воротам поместья. Когда его задержали, он чуть не заплакал. План полиции полностью удался. Будучи уличенным, Дэниэл Баркер признался в убийстве сэра Джона. Ему просто не дали возможности прийти в себя и отрицать свое деяние.

– Когда Джон позвал меня в кабинет, я увидел в его руках письмо. Он был вне себя от злости. Я имел отношения с одной женщиной, позже она стала меня шантажировать и требовала много денег, пригрозив написать о наших отношениях сэру Джону. Я попросил ее подождать, но она все-таки осуществила свою угрозу. Как он меня унижал и обзывал! Не знаю, что на меня нашло, но вдруг я ощутил небывалую ярость и очнулся только тогда, когда стоял с подсвечником в руках, а сэр Джон лежал с проломленной головой. Кабинет сэра Джона находится в отдаленном крыле дома, поэтому никто не слышал его ругани, и мне удалось уйти незамеченным. Схватив письмо, я спустился в сад, где ко мне присоединилась жена. Подсвечник я временно спрятал в доме. Большим усилием воли, мне удалось взять себя в руки. Письмо я уничтожил, а подсвечник ночью закопал у забора. Позже я понял, какую глупость совершил. Надо было

избавиться от подсвечника, но полицейские усилили бдительность – днем и ночью крутились в доме. Когда они нашли место, где я закопал подсвечник и там его не оказалось, то я очень испугался. Каждый день я ждал разоблачения, но ничего не происходило, и постепенно я успокоился. Я не хотел его убивать, – простонал преступник, закрывая дрожащими руками лицо.

Майор Брайан был доволен, что ему удалось раскрыть преступление. Иначе Флер Лагранж пришлось бы долгие годы провести в тюрьме. А когда страдает невинный, то страдает правосудие. Майор не надеялся на благодарность, он лишь выполнял свой долг, но прозрачная надежда на взаимность маячила где-то рядом. Ведь в любом возрасте человеку свойственно мечтать о любви и надеяться на счастье.

Женщина стояла у окна и любовалась жарким солнечным днем. Вилла находилась недалеко от берега моря, и веселая толпа отдыхающих шумела на нарядной набережной. Неожиданно женщина вспомнила другой день, когда она так же стояла у окна и смотрела в сад: расстроенная, подавленная, потерявшая надежду. Воспоминания полились рекой. Вытащив из ящика письменного стола тетрадь и собравшись с мыслями, она начала писать.

Из дневника Флер Лагранж

По прошествии многих лет, хочу кое-что прояснить в той давней истории. Она вовсе не так проста, как показалось полиции и даже блистательному майору Брайану Блекстеру. То, что произошло в моей семье, больше похоже на водевиль, чем на суровую реальность. Двадцать четыре года назад, еще до моего рождения, к маме пришел ее брат и отдал какую-то картину, свернутую в рулон. Он сказал, что скоро мы будем богаты, но сейчас ему нужно срочно бежать из страны. Просил, чтобы сестра нашла способ переправить эту картину за границу через своего дипломата. На следующий день она узнала, что из музея была похищена картина Томаса Гейнсборо «Портрет дамы в голубом». Об этом событии писали во всех газетах. Было понятно, что брат попал в крупную передрагу, и поэтому она взяла картину и отнесла ее к одному спившемуся художнику, который жил в полуподвальном помещении. Обещав высокую плату, она уговорила его поверх картины написать свой портрет в старинной одежде. Художник был талантливый и если бы не пагубное пристрастие, то был бы богат и знаменит. По видимому, художнику было лень писать картину и он ограничился тем, что вместо лица герцогини де Бофор написал лицо моей матери.

Полиция с ног сбилась, но картина словно растворилась в пространстве. Джон Милтон вскоре уезжал в Англию, и мама сказала, что хочет подарить ему на память свой портрет в таком необычном образе. Она ведь поверила его обещаниям жениться на ней и мечтала воссоединиться с любимым в чужой стране. Разве она могла предположить, что это не входит в его планы. Уехав, он не ответил ни на одно мамино письмо. Даже мое рождение не растопило его ледяного сердца. Я ему была совсем не нужна. Бедная мама. Всю жизнь она вспоминала своего Жана, как она его называла. Часами она рассказывала, какие галстуки он любил носить, какие блюда предпочитал на обед. Она оправдывала его молчание, равнодушие и жестокость, и при этом ее глаза светились любовью. Оправдывала его, когда не было денег на операцию, и это стоило ей жизни. На ее долю пришлось мало радости, но много бед, горестей, обмана и предательства, и все это требовало немедленного отмщения.

Так вот, насчет картины. Она ему понравилась, и Джон взял ее с собой. Историю с картиной мама рассказала мне только перед смертью. И это было последней каплей. По моей версии, Джон Милтон был вовсе не так прост, и, сопоставив факты, понял, что представляет собой эта картина. Используя дипломатическую неприкосновенность он вывез картину, но принял меры предосторожности. На родине, сделав фотографию портрета, заказал художнику копию. В те времена фотография была черно-белой, но художник конечно узнал знаменитый портрет, поэтому и написал даму с карими глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.